

СПЕЦВЫПУСК

СЕНТЯБРЬ/2019
УКРАИНА

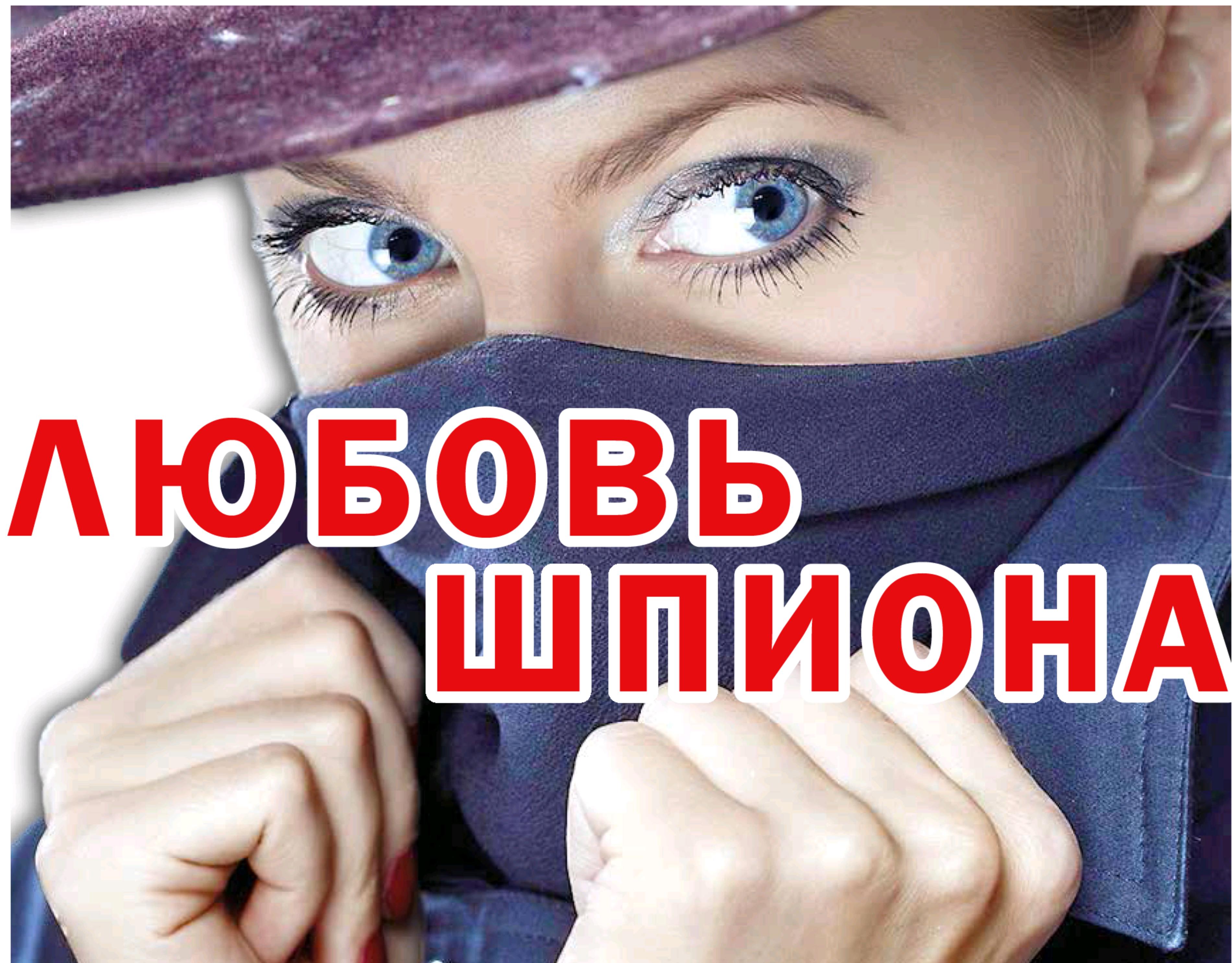

СОВЕРШЕННО

№9 (162)

СЕКРЕТНО

СЕКРЕТЫ СПЕЦСЛУЖБ

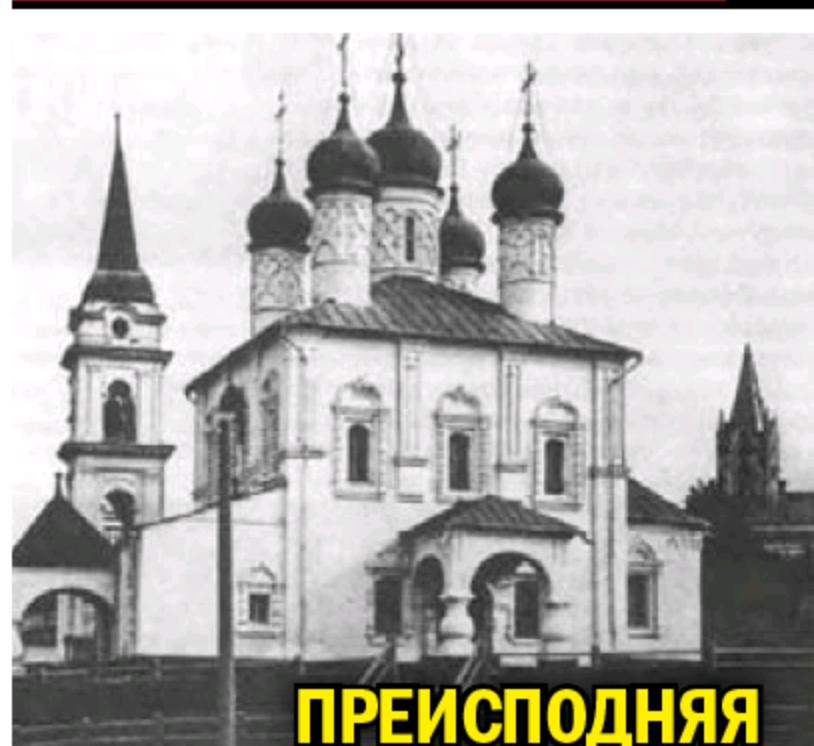
В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА 4

СЕКРЕТЫ ПОЛИТИКИ

СЕКРЕТЫ СПЕЦСЛУЖБ

СЕКРЕТЫ СПЕЦСЛУЖБ

ПРЕИСПОДНЯЯ

КИЛЛЕРЫ
НА ГОССЛУЖБЕ

ШПИОНАЖ
С VIP-УДОБСТВАМИ

ТОПОР ВОЙНЫ
ИНДЕЙЦЕВ МАЙЯ

**Андрей СОЛДАТОВ,
Ирина БОРОГАН**

Специально для «Совершенно Секретно»

Невозможно себе представить, чтобы рядовой опер с Лубянки мог из своего кабинета наблюдать за тем, когда пришел на службу и чем занялся на рабочем месте директор ФСБ Патрушев. От такой перспективы содрогнется не только глава отечественной контрразведки, но и любой начальник отдела.

Тем не менее для ведущих спецслужб мира такая прозрачность руководства стала реальностью. Например, сотрудники британского Центра правительственный связи (GCHQ) могли наблюдать на экране монитора за совещаниями в кабинете своего шефа Дэвида Пеппера.

Идеология спецслужб – по природе своей самых консервативных служб в мире – кардинально меняется. В 90-е годы несколько спецслужб сменили штаб-квартиры, переехав в новые шикарные здания, место дислокации которых не только не скрывается, а скорее, наоборот, становится чуть ли не городской достопримечательностью.

Англичане первыми отказались от любимого в прошлом принципа засекречивания адресов штаб-квартир. Хотя всего несколько десятилетий назад даже Ян Флеминг, литературный отец Джеймса Бонда, указывал в качестве штаб-квартиры своего героя совсем не то здание, в котором тогда располагалась МИ-6. А другой автор английских шпионских романов Лен Дайтон блестяще описал систему многочисленных безымянных офисов контрразведки МИ-5, разбросанных без всякой системы по всему Лондону. От всего этого в 90-е годы пришлось отказаться.

В новые здания переселились все три спецслужбы Великобритании – контрразведка МИ-5, разведка МИ-6 и служба радиоперехвата GCHQ. Разработан, но пока не реализован (из-за финансовых проблем) проект переезда французской разведки DGSE. Немецкая разведка BND вслед за правительством переместилась из Пуллаха в Берлин, видимо, туда же переедет из Кельна и контрразведка BfV.

Этот дорогостоящий и во всех отношениях сложный процесс нельзя объяснить лишь окончанием «холодной войны». Два главных противника – американские и российские спецслужбы – продолжают оставаться на старых квартирах. Не стали порывать с прошлым и в государствах, получивших независимость: например, СБУ Украины расположилась в здании республиканского КГБ, и даже демократическое Агентство безопасности и информации Сербии, сменившее службу Державне безбедности Милошевича, занимает здание предшественника. Видимо, дело тут в другом.

Уборщицы против шпионов Ее Величества

Из всех спецслужб Великобритании разведка Ее Величества известна больше всех. Однако последние полвека ее существование омрачено постоянным соперничеством с главным союзником – ЦРУ. Все это время британцы комплексовали из-за своего очевидного технического отставания. Поэтому новая резиденция МИ-6 просто обязана была затмить Лэнгли по всем параметрам – от дизайна до технического оснащения. И результат оправдал надежды.

Новое здание, которое выглядит действительно сногшибательно, многие видели в фильме о Джеймсе Бонде «И целого мира мало». Помните огромную пирамиду сложных очертаний, где взрывается бомба, а супершпион на катере выпрыгивает через образовавшуюся пробоину, попадая прямо в Темзу? Это и есть знаменитый «Воксхолл-Кросс», штаб-квартира разведки МИ-6.

Решившись на беспрецедентную открытость при строительстве штаб-квартиры, МИ-6 сразу же попала под удар прессы. Вокруг здания разгорелось несколько крупных скандалов. Во-первых,

ШПИОНАЖ с VIP-удобствами

всплыла информация о перерасходе средств на строительство «Воксхолл-Кросса». Британская пресса выяснила, что МИ-6 превысила первоначальную смету в два раза.

Разведка в свое оправдание утверждала, что огромные суммы денег ушли на техническое оснащение штаб-квартиры. Дескать, «Воксхолл-Кросс» располагается в самом центре Лондона, подойти к нему может буквально каждый, и все происходящее внутри должно быть надежно защищено. Поэтому здание нашпиговано скрытыми камерами, все стекла в штаб-квартире защищены от прослушивания и снятия электронной информации специальным покрытием, а стены, как в крепости, – непробиваемые для пуль и бомб. (Что, кстати, не помешало неким злоумышленникам обстрелять здание из гранатомета в сентябре 2000 года.) В общем, по официальным данным, только на оборудование пришлось потратить 80 миллионов.

Правда, следующий скандал замять не удалось, и он сильно омрачил руководству МИ-6 новоселье. Британские журналисты раскопали, что при переезде из старой штаб-квартиры «Сенчури-хаус» МИ-6 вывела за штат 47 уборщиц. Вскоре их вновь приняли на работу, но уменьшили оклады. Обманутые уборщицы нашли защитников в парламенте, а те возбудили судебное дело против МИ-6. Попытки отменить разбирательство на основании того, что уборщицы не могут давать показания, поскольку являются засекреченными сотрудниками, разведслужбе не удалось. В результате МИ-6 пришлось выплатить своим сотрудникам компенсации.

На фоне «Воксхолл-Кросса» снимается семейство...

Естественно, «Воксхолл-Кросс», особенно после того как засветился в бондиане, стал лондонской достопримечательностью. Этим воспользовались коммерсанты и организовали автобусный тур вокруг новой штаб-квартиры. Ни днем, ни ночью вы не увидите вокруг здания ни одного «челове-

ка с ружьем», никто не гоняет местных жителей, вечерами выгуливающих здесь собак. Столкнувшись со столь неправдоподобной обстановкой, авторы пару часов бродили вокруг «Воксхолл-Кросса» и щелкали фотокамерой буквально со всех сторон. Но никто не проявил к этому никакого интереса. (Попробуйте подойти белым днем вплотную к Лубянке и достать камеру: как черт из табакерки немедленно подскочит человек и затребует разрешение на съемку.)

10 этажей штаб-квартиры, возвышающиеся над набережной, – лишь часть знаменитого «Воксхолл-Кросса». Под землей – еще 5

в 1998 году из разведслужбы. Как пишет Томлинсон, охранников, стоявших у входа в «Сенчури-хаус» и проверявших документы у сотрудников, в новом здании заменили автоматы. «Шесть автоматических охранных дверей, выстроенных в ряд, закрывали проход в главное здание. Позади них выстроилась небольшая очередь сотрудников. Когда подошел мой черед, я всунул свою карточку в узкую щель и набрал цифровой код: 6-9-2-1. Автомат сразу же заработал: в щели зажегся зеленый свет и со свистом откатилась вбок входная дверь. Войдя в тесную капсулу, где мои плечи касались стенок, я нажал на кнопку первого этажа. Так как кроме меня в капсуле никого не было, дверь со свистом захлопнулась, а впереди открылась другая дверь, выпуская меня во внутреннее помещение», – пишет бывший британский разведчик.

Интерьеры «Воксхолл-Кросса», по свидетельству Томлинсона, отличаются от помещений старой штаб-квартиры так же,

10 этажей штаб-квартиры, возвышающиеся над набережной, – лишь часть знаменитого «Воксхолл-Кросса». Под землей – еще 5

как советская гостиница «Интурист» от американского отеля «Мариотт». (Прежнее здание МИ-6, «Сенчури-хаус», которое разведслужба занимала с 1966 года, внешне действительно напоминает снесенную столичную гостиницу.)

Зеленоватые матовые стены и мраморные полы холла освещаются мягким флуоресцентным светом. Вокруг двух колонн, в которых размещаются системы управления скоростными лифтами, стоят удобные скамейки, обтянутые черной кожей. Кроме того, персонал может наслаждаться видом субтропических деревьев из пластика.

Чуть ниже центрального холла — библиотека МИ-6. В старом здании она представляла собой довольно жалкое помещение, книги хранились на старых полках, а подшивки газет — в ветхих папках. Теперь все устроено просто великолепно: дорогие читальные столы и скользящие стеллажи для книг.

Несмотря на искреннее восхищение Томлинсона библиотекой, можно заметить, что здесь МИ-6 сильно отстает от ЦРУ. В Лэнгли, например, ни сотрудникам, ни библиотекарям не нужно шарить по полкам в поисках нужной книги. Это делает автоматизированная система, куда направляется компьютерный запрос, а человеку остается лишь забрать необходимый том или книгу. Рядом с библиотекой находится гимнастический зал с тренажерами для гребли и тяжелой атлетики. Правда, в спортивном комплексе есть и другие залы. По задумке архитектора, огромное помещение было сделано под бассейн, но руководство МИ-6 решило, что такое расточительство может привлечь внимание общественности, и его переоборудовали для игры в мини-футбол и бадминтон.

Как рассказал нам Ричард Томлинсон, руководство разведки далеко не сразу решилось на переезд в самый центр города. По его словам, когда подыскивалось место под новое здание, рассматривалась возможность расположиться за городом. Это создало бы лучшие условия для работы персонала, которому не пришлось бы тратить большое количество времени на дорогу, — сотрудники просто приобретали бы жилье поблизости.

Но в таком случае возникли бы затруднения для личных встреч разведчиков с чиновниками правительства. И еще сотрудникам МИ-6 стало бы сложнее делать вид, что они работают на Министерство иностранных дел. (Формально МИ-6 подчиняется этому ведомству.)

Дворец для контрразведки

В отличие от разведки, МИ-5 не гналась за дизайном. Перед ней стояла более приземленная задача. В начале 90-х подразделения контрразведки занимали пять зданий в центральном Лондоне. Это приводило к путанице, британцы порой не успевали координировать операции.

Для новой штаб-квартиры был выбран так называемый «Тэмз-хаус», здание в духе неоклассицизма, построенное сэром Фрэнком Бэйном в 1928 году на набережной в 300 метрах от парламента. Ранее оно использовалось как штаб-квартира Департамента энергетики. Реконструкция продолжалась три года и обошлась бюджету в 265 миллионов фунтов стерлингов. Все работы завершились в 1994 году.

По данным ведущего обозревателя Sunday Times Ника Филдинга, в здании появились офисы для 2300 человек персонала и подземная парковка на 800 мест. В здании, кроме гимнастического зала и зала для аэробики, предусмотрены даже два бара, но они не используются офицерами из-за запрета на курение.

Кабинет генерального директора находится на пятом этаже напротив библиотеки. Чтобы получить досье из хранилища, необходимо воспользоваться услугами мини-железной дороги, доставляющей документы в специальных емкостях.

Правда, до сих пор ходят слухи о завышенных затратах на оснащение здания: только один квадратный метр ковра в ресторане для руководства стоил не менее 70 фунтов. А шестифутовое изваяние креста МИ-5 (так выглядит герб службы),

заказанное французскому скульптору, обошлось британской казне в 25 тысяч фунтов.

Поначалу фешенебельным видом новой штаб-квартиры МИ-5 обманывались не только туристы, которые принимали ее за галерею Тейт, но и люди более информированные. Например, однажды в крайне неловкую ситуацию попал лидер партии Шин-Фейн (легального крыла ирландских националистов) Мартин Макгиннес, который зашел в здание МИ-5, думая, что это штаб-квартира лейбористской партии. Он подошел к стойке в холле, назвал себя и попросил позвать своего друга. Шокированные сотрудники безопасности попросили его присесть и вызвали руко-

При строительстве гиганта, который обошелся в 330 миллионов фунтов, использовались экологичные технологии. Так, каждый стул в здании сделан из 36 переработанных пластиковых бутылок, столы на 90 процентов состоят из переработанной древесины. В комплексе также есть ресторан на 600 мест, залы для фитнеса, магазины и комнаты для молитв.

Официальное открытие комплекса состоялось лишь 25 марта 2004 года, когда его посетила королева Елизавета II.

В новом комплексе в связи с новыми задачами, требующими гибкости и быстроты в формировании команды профессионалов, изменена сама культура работы

Строительство гиганта, прозванного «пончиком» из-за необычной формы, обошлось 330 миллионов фунтов. Официально комплекс открыли в 2004 году

водство. В этот момент волна паники охватила уже все здание. В конце концов кто-то подошел к Макгиннесу и очень мягко указал, куда пройти, чтобы попасть в нужное ему место.

Пончик со сверхсекретной начинкой

Предшественником Центра правительственной связи GCHQ была знаменитая Правительственная школа кодов и шифров, располагавшаяся в Блетчи-Парке, подальше от любопытных взглядов. Именно здесь во время Второй мировой шифровальщики вскрыли коды «Эни-гмы», а само местоположение школы было одним из главных государственных секретов Великобритании.

С тех пор это ведомство — самое засекреченное. Даже после войны в 1953 году правительство не решилось перенести GCHQ в Лондон, выбрав для штаб-квартиры два комплекса зданий около Челтенхема (графство Глостершир), включающие более 50 строений.

Но в 1997 году прогрессивные настроения победили, и вопрос о новой штаб-квартире, правда, на старом месте, решился. В июне 2000 года был подписан контракт на строительство. А уже в 2003 году сотрудники GCHQ обустраивались в огромном новом комплексе, из-за своей необычной формы прозванном Пончиком. Два огромных круглых блока из алюминия, стекла, гранита, бетона и дерева соединены покрытым стеклянным куполом «улицей», где сотрудники могут есть, пить и отдохнуть в перерывах.

В центре комплекса — открытый сад размером с Альберт-холл. Большую часть первого этажа заполняют шкафы суперкомпьютеров, а собственные генераторы гарантируют непрерывное электропитание в случае ЧП. Чтобы ограничить возможный ущерб от атак террористов, внутри здание разделено на три отдельных комплекса, соединенных только в основании и крышах.

больных полей. «Расстояние до любого коллеги теперь не будет превышать пяти минут», — заявила журналистам Энн Блэк, пресс-секретарь GCHQ.

«Пончик» был спроектирован так, чтобы «заставить руководство говорить с персоналом». И предполагается, что даже новый директор спецслужбы Дэвид Пеппер будет доступен и видим для коллег с помощью так называемого «common desktop».

Все это сильно отличается от того времени, когда сотрудникам запрещалось обсуждать свою работу даже с супругами. Сейчас глянцевая брошюра GCHQ описывает работу там как «подобие расследовательской журналистики, когда нет лучшего стимула, чем видеть по ТВ выпуск новостей и понимать, что ты имеешь к этому отношение».

ФСБ шагает по столице

Российским спецслужбам, казалось, тоже пора сменить место дислокации. Ни одна из них не располагается в специально построенном здании. СБ занимает дореволюционный дом страхового общества, Служба внешней разведки гнездится в комплексе Ясенево, который изначально планировался под санаторий ЦК, а военная разведка ГРУ — в «Аквариуме», спланированном под больницу.

Как ранее у британской контрразведки, у ФСБ не решена проблема разбросанности подразделений по огромному городу. В советские времена КГБ, помимо известных зданий на Лубянке, занимал множество особнячков на Садовом кольце, здания на проспекте Сахарова, Кутузовском и даже этаж в гостинице «Пекин». Но, в отличие от англичан, ФСБ до сих пор продолжает расползаться по столице. Около полутора лет назад департамент по борьбе с терроризмом переехал с Лубянки, где занимал так называемое «новое здание», в свежий корпус на проспекте Вернадского.

Впрочем, и другие спецслужбы занимают помещения в самых неожиданных районах Москвы.

Вполне возможно, что в этом виноват

А так обустраиваются российские спецслужбы: резиденция ГРУ у Хорошевского шоссе...

ИТАР-ТАСС

выработанный еще во времена КГБ полувинчатый способ решения таких проблем. Вместо возведения нового комплекса, планировка которого была бы полностью подчинена задачам спецслужбы, чекисты предпочитают достроить какой-нибудь флигель или новый корпус. В результате центральный аппарат ФСБ сейчас занимает самые разные здания в районе Лубянки: от построенного в 70-е мрачного «нового здания» до едва ли не бараков в районе храма Св. Людовика.

Точно так же московское управление ФСБ оказалось «разорвано» между двумя зданиями: одно довоенной постройки, другое — 70-х годов. Но они хотя бы находятся через дорогу друг от друга.

ФАПСИ, переименованному в Службу правительственный связи при ФСО, повезло гораздо меньше: одно здание оказалось в районе Лубянки, другое — на проспекте Сахарова.

Преисподня

Владимир ГОНИК

Отрывок из книги

Публикуя отрывки из романа Владимира Гоника, редакция знакомит читателей с еще одной, неизвестной большинству Москвой, которая усилиями спецслужб скрыта от людских глаз. Автору довелось самому побывать в «преисподней» – это придает особую документальную достоверность описываемому «параллельному», полному тайн и драматических загадок городу.

Уже несколько недель Москва полнилась слухами: по ночам исчезали люди. Таинственные пришельцы нападали внезапно, словно из-под земли, – бесшумно проникали в дома, неожиданно возникали среди ночи, забирали людей и уводили с собой. Никто не знал, откуда они появились, как пришли, и не было случая, чтобы к дому кто-то подъехал: люди бесследно исчезали за дверью вместе с пришельцами, никто не знал, где их искать, – исчезли, как в воду канули.

...Когда Першину предложили взять отряд, для него это было как гром с ясного неба: он полагал, что с военной жизнью покончено. Однако кому-то понадобилось его десантное прошлое: позвонили из мэрии и назначили встречу.

В комнате он увидел отцов города, которые нередко выступали по телевидению. Першин удивился их мрачному, озабоченному виду. Впрочем, их можно было понять: уже который день городом владел страх.

Это выглядело неправдоподобно, но страх обрушился на Москву и овладел ею в одночасье. Страх без труда захватил власть в необозримом городе. Понятно было, что, если в короткий срок не избавиться от него, возникнет паника.

– Андрей Павлович, вам известно, что происходит в городе? – обратился к Першину мэр при общем молчании остальных.

– Слухи, сплетни... – неопределенно пожал плечами Першин. – Толком ничего не знаю.

– Как все мы, – вставил помощник мэра, остальные покивали, соглашаясь.

– Я думал, уж вы-то знаете, – улыбнулся Андрей.

– Не больше вашего, – признался мэр. – Поэтому вас и позвали.

– Мы даже не знаем, откуда исходит опасность, – вставил кто-то из сидящих.

Все выжидающие смотрели на Першина. Это была какая-то странная игра: было похоже, они не решаются сказать что-то вслух, точно опасаясь, что могущественные силы, которые они подозревают, обвинят их в сговоре и расправятся с ними.

Першин обратил внимание, что все тщательно подбирали слова, как будто разговор записывался на пленку; видно, такую возможность никто не исключал.

– Неужели опасность может исходить из государственных структур? – спросил Першин.

Мэр уклончиво развел руками:

– Нужен независимый поиск. Надо выяснить, кто за этим стоит. У вас высокая профессиональная подготовка, вас никто не знает. Подберите себе отряд, все, что нужно, вам дадут. Насчет оплаты... сумму назовите сами.

– А если я не соглашусь?

– Жаль, это будет прискорбно. Поищем другого человека, вам придется молчать.

Першин сразу понял, чем это грозит: можно попасть в жернова, в которых не уцелеть. Однако он почувствовал азарт и

При изучении старых московских подземелий подтвердились и накапливались свидетельства существования на большой глубине невероятных и неправдоподобных сооружений, построенных уже в наше время

жгучий интерес, остро ощутил, как истомила его мирная, размеренная жизнь.

Все смотрели на него и ждали ответа. Уже случались в жизни такие минуты, когда судьба висела на волоске и надо было решать, куда ее повернуть. Можно было возомнить, что сам волен, как поступить, сам решаешь и делаешь выбор, но суть состояла в том, что все равно поступишь, как написано на роду.

– Я согласен, – сказал Першин. – Оплата поденно. Расчет с личным составом каждый день.

– Почему? – обескураженно спросил один из присутствующих, вероятно, финансист.

– Слишком опасная затея. Человек может не дождаться своих денег.

В комнате воцарилась тишина: все отчетливо уяснили предстоящий риск.

– Нам понадобятся комбинезоны и бронежилеты. Оружие – десантные автоматы, пистолеты, гранаты. Два ручных пулемета, еще кое-что, список я составлю. И договоримся сразу: к первому спуску нам доставят все необходимое. Не получим – не пойдем.

– Постараемся, – мрачно пообещал осанистый человек, в котором Першин угадал военного.

Из снаряжения главным считались бронежилеты. Лучшими слыли изделия из кевлара, мягкой ткани золотистого цвета, разработанной фирмой Дюпон, на разрыв ткань была в два раза прочнее стали. Кевлар простегивали титановым курдом, жилет, прикрывающий грудь, весил около трех килограммов.

Надежным считался жилет из сорока слоев кевлара с тонкими пластинками из титана, такой жилет весил около шести килограммов и прикрывал тело от горла до паха. В новых иностранных моделях применялась гидроподушка, которая распределяла удар пули на широкую поверхность.

Кроме прочего, Першин потребовал несколько бронежилетов из титаново-алюминиевой чешуи. Они были тяжелые, в них трудно было передвигаться, но они могли пригодиться при сильном встречном огне.

Удобных, прочных и легких керамических жилетов, которые были разработаны московскими умельцами, в Москве не нашли: их запатентовали и стали изготавливать за границей.

Из оружия Першин выбрал АКС-74-У, автомат имел складной приклад и укороченный ствол и был удобен для штыковой стрельбы. Кроме автоматов, каждый в отряде имел пистолет Стечкина, гранаты, ножи и баллончики с газом.

Першин понимал, что отряд – единственная для города надежда: если не унять страха, Москва ударится в панику.

Паника означала военное положение, комендантский час, и любой генерал, получивший чрезвычайные полномочия, мог устроить переворот и захватить власть. Впрочем, могло статья, что именно в этом заключался смысл происходящего.

Войну прошли все – это было решающим условием отбора в отряд. Необстрелянным отказали сразу, хотя сре-

ди них попадались подходящие кандидаты: хорошие стрелки, владеющие холодным оружием и подготовленные к рукопашному бою. Но им отказали: они не нюхали пороха, а затея была слишком опасной, чтобы проверять их в деле.

Для первого спуска Першин отобрал десять человек. Он поговорил с каждым порознь в надежде понять, с кем ему предстоит идти: внизу разбираться будет поздно.

Он расспрашивал их о войне, и тех, кому она нравится или кто сожалеет о вынужденном и бесславном уходе из Афганистана, Першин отверг: бравым он не доверял, а глупцы не годились.

В каждом из десяти отобранных в разведку он угадал горечь и досаду, они ненавидели тупиц, пославших их на войну, бездарных политиков, их партию, выживших из ума старцев, упитанных безмозглых генералов, которым эта война была нужна. Першин разделял эту ненависть.

Получив задание, Першин стал выяснять, каким способом человек может попасть под землю. Решались на это редкие смельчаки – спуск был сродни сошествию в ад: на ужасном ветру, в гуле и грохоте огромных вентиляторов, похожих на авиационные моторы, нужно было спуститься в верхний коллектор, из него попасть в ствол и долго лезть вниз по отвесной стене, где в бездонный пролет свисала лестница из железных прутьев. При глубоком залегании тоннелей ствол шахты прошел землю на высоту тридцатиэтажного

дома. Как говорится, устанешь падать.

Начав спуск, смельчак вскоре понимал, что поступил опрометчиво. В темноте ничего не стоило сорваться, да и вообще на висячей лестнице всякое могло страстись: соскользнет ли с перекладины нога, рука занесет ли, сил ли не хватит или испугаешься высоты — и все, одним жильцом на свете меньшее.

Из нижнего коллектора по воздушным каналам можно было попасть в тоннель и даже ниже, на перекачку, в дренажную систему, ветвистую, как лабиринт.

Схожий способ существовал для проникновения через силовые и понижающие трансформаторные подстанции: кабельные коллекторы хоть и были поуже и пониже, но прорезали землю во всех направлениях.

Под землей Москва была причудлива и разнообразна, как на поверхности. Першин понял это, разведав многие тайные спуски, подземные ходы монастырей и церквей, склады, амбары, винные погреба, катакомбы на месте древних каменоломен, откуда первые жители брали камень на строительство города; он по крохам собирая сведения о новострое — секретных сооружениях госбезопасности, армии и прочих ведомств, каждое из которых имело под землей центры управления и связи, бункеры для начальства, комфортабельные убежища, не говоря уже о целой системе транспортных тоннелей, ведущих из центра Москвы на окраины и дальше, за город.

Тайный тоннель по дуге спускался от станции метро «Спортивная» под Москву-реку и направлялся под Воробьевы горы, на которых стоят правительственные особняки, соединяя их бункеры с гигантским подземным городом в Раменках и сетью дорог, которые на большой глубине вели в разные концы Москвы и далеко за город — в леса, к шоссе, в тайные укрытия, к автострадам и на аэродромы.

Першин знал, что один из тоннелей идет из центра Москвы в Немчиновку, где у лесной опушки есть выход на поверхность поблизости от шоссе на полпути между Немчиновкой и Баховкой. Другие тоннели имели выходы рядом с кольцевой дорогой в Медведково, Бирюлево и Новокосино.

Геологи, маркшейдеры, связисты угадывали некое соседство — обширные пустоты, металл, вибрацию, излучения, источники которых таились под землей. Что-то существовало там, на большой глубине, какой-то скрытый мир не просто существовал, а жил — дышал, нуждался в воздухе, воде, электричестве, непонятное движение происходило там, и какие-то люди исчезали и появлялись тайком от чужих глаз.

Вскоре в отряд доставили заказанное Першина оборудование: сейсмостанцию «Талгар», ультразвуковые приборы с преобразователями, установку «Гроза» для определения акустической эмиссии и мощный немецкий определитель электромагнитной эмиссии с врачающимся кольцом антенны. Эти приборы могли указать наличие подземных сооружений или различных аномалий на разной глубине. Их наладили и установили на машине сопровождения, а с собой под землю взяли приборы для замеров скорости распределения упругих волн в среде — маленькие легкие черные ящики в матерчатых чехлах; эти приборы могли определить скрытые проемы, щели, ниши, проходы в грунте, замаскированные пустоты в стене, за чугунным тюбингом или в бетоне.

Похоже, под землей существовала сеть тоннелей, не уступающая в размерах городскому метро. «Второе метро» — называли эту сеть, название то и дело мелькало в разговорах, и выходило, что под известной системой метрополитена находится другая, секретная.

Закрытыми ветками пользовались секретные службы и редкие высокопоставленные лица. В некоторых московских домах, где проживали эти люди, имелись специальные лифты для спуска на большую глубину. Под станциями действующего метро на Страстной площади «второе» метро имело развязку — кольцо с радиусами: гигантский краб тянул клешни в разные стороны.

«Бедные наши налогоплательщики — думал Першин. — Какая казна это выдружит? Это же тоннель от Бомбя до Лондона!»

Водоразборный фонтан — старейший фонтан России

Готовя отряд к действиям, Першин что ни день спускался под землю. Из дома бывшего наркома Ягоды в Большом Кисельном переулке, по соседству с Рождественским монастырем, шел ход на Лубянку. На вид жилище наркома было невинным розового цвета двухэтажным особнячком с маленьким балкончиком и ажурной решеткой, дом украшали каменная резьба, белые наличники и прясла; изрядное расстояние от дома до работы наркома мог пройти под землей, что было удобно в непогоду, да и безопасно, учитывая растущие козни врагов.

Правда, подземный ход не спас наркома от расстрела, но, пока он работал, вероятно, чувствовал себя в безопасности, как и нарком Берия, особняк которого на углу Малой Никитской и Ермоловского переулка в местности, что прежде именовалась Козым болотом, имел, свой бункер и подземные ходы.

Многие утверждали, что высокопоставленные лица неожиданно и загадочно возникают в аэропорту перед отлетом самолета, никто не видел прибывших машин, кортежа, свиты... Однажды к Першину привели старика, который рассказал, что в молодости, когда он был маркшейдером, строил тоннель из Кремля на дачу Сталина, по рассказу выходило, что тоннель рассчитан на двухстороннее автомобильное движение.

Рыская по дворам, пустырям и задворкам в центре Москвы, Першин день за днем открывал для себя замаскированные копы с подъемными механизмами, скрытую вентиляцию, складированное шахтное оборудование, упрятанное в дома трансформаторы, от которых вниз уходили кабели.

Тоннели соединяли глубокие подземелья на Старой площади, где располагались многочисленные бункеры коммунистической партии, с подземными сооружениями Лубянки и Кремля. Першин проник в широкий, светлый, окрашенный белой эмалью тоннель, который проходил рядом с перегоном Кузнецкий мост — Китайгород. Иногда по ночам в сторону отъезжающей ложной стены, из тайного тоннеля в метро подходил мотовоз, принимал из метро загадочные маркировки и уходил, медленно удаляясь, исчезал в сверкающей белизне, как парусник в освещенном солнцем море. Стена въезжала на место, вновь тускло горели фонари, и нельзя было поверить, что рядом существует праздничный чертог.

То был подземный город со своими артезианскими скважинами, электростанциями, улицами, площадями и переулками, настоящий город, который при желании мог отвергнуть наземную Москву, закрыть нагло герметичные двери и ворота, включить гидравлические запоры и отрезать, отстранить себя от поверхности, прервать все связи и жить сам по себе, отдельно, на глубине, а запасов пищи на складах там могло хватить на долгие годы.

Спуск они начали от неприметной наземной решетки в сквере у Красных ворот.

Разведка медленно двигалась узким коридором, который покато уходил вниз и обрывался то и дело крутым железным трапом; тесное, сдавленное пространство наполнялось тогда дробным стуком башмаков на ступеньках.

Они шли в затылок друг другу, как футбольная команда, выходящая на игру, одиннадцать игроков, впереди капитан, последним шел проводник, который был похож на старика тренера, бредущего на скамейку запасных.

Покатый бетонный коридор привел их к решетке, запирающей выход в широкий тоннель. Из темноты повеяло сыростью и прохладой, за решеткой угадывалась емкая глубина.

Первый спуск был разведкой: предстояло обойти под землей центр города, отыскать неучтенные выходы на поверхность. Их следовало нанести на карту, чтобы впоследствии забутовать или, по крайней мере, взять под охрану. Если повезет вернуться...

Разведка проникла вниз по одному из таких спусков, о котором прежде никто из них ничего не знал. Поблизости от станции метро «Чистые пруды» они увидели бегущую вдоль рельса крысу. Она была обычных размеров, отнюдь не свирепый мутант, и, заметив людей, крыса стала испуганно метаться, пока не юркнула в дыру под платформой.

Метровых крыс-мутантов, нападающих на людей, придумал несколько лет назад находчивый журналист, публикация взбудоражила Москву: легковерные читатели приняли выдумку за чистую монету и ударились в панику, служащие метро и городские власти долго потом доказывали, что все это вымысел.

Нет, крыса была обычных размеров, но ее появление наводило на размышления:

крысы, как правило, поселяются вблизи людей и пищи.

...На станции было безлюдно, горел слабый свет, разведчики поднялись на платформу и осмотрели служебные помещения. В конце зала за бюстом Кирова железная лестница вела вниз под платформу, на запертой решетке висела дочечка «Машинный зал». Посторонним вход запрещен». Один из разведчиков повозился и открыл замок. За дверью они обнаружили казенное помещение, похожее на кладовую или подсобку, следующая дверь вела неизвестно куда.

Когда разведчики ее распахнули, дремавший за ней дежурный с погонами лейтенанта обомлел от неожиданности, глаза у него стали круглыми, как у филина.

— Что?! Кто?! — быстро забормотал он в растерянности, но опомнился и, вскочив, попытался нажать кнопку звонка. Поднять тревогу лейтенант, однако, не успел, в мгновение ока его отодвинули от звонка и отняли пистолет — подальше от грева.

— Вы из Комитета? — с надеждой спросил лейтенант, и понятно было, что он имеет в виду госбезопасность.

— Мы сами по себе, — разочаровал его Першин.

— Как?! — опешил лейтенант и недоверчиво вертел головой, разглядывая разведчиков: каждый ростом под потолок, пятнистые комбинезоны, бронежилеты, укороченные десантные автоматы АКС, гранаты, баллончики с газом, ножи на ремнях...

Постовой сторожил ход, который связывал станцию метро с бывшей ставкой Верховного Главнокомандования на Мясницкой — желтый особняк, шесть колонн, наверху мезонин, фронтон, перед зданием сквер, решетка... Отсюда Сталин под землей добрался в ноябре 1941 года на станцию «Маяковская», где был праздничный митинг. Теперь в особняке располагалась приемная Министерства обороны.

Они оставили лейтенанта в глубокой задумчивости. Першин не был уверен, что тот доложит о происшествии по начальству: караульная служба на этом посту была предпочтительнее, чем Новая Земля или Чукотка.

Поднявшись на платформу, разведчики разместились на мотовозе, который их поджидал. Обратная дорога по встречному тоннелю заняла всего несколько минут, мотовоз высадил их и укатил в сторону Черкизова. Разведке следовало потопали-

ваться, вскоре должны были дать напряжение в третий рельс.

Проводник отомкнул замок и стоял, дожидаясь у открытой решетки, пока все пройдут в коридор. Разведчики один за другим поднимались по железному трапу. Першин шагнул последним и остановился на пороге в ожидании проводника. Сквозь стук шагов ему почудился странный звук, которому он не придал значения: то был звук лопнувшей струны.

Першин стоял в коридоре и ждал, но никто не появлялся, проводник замешкался в тоннеле, и, когда шаги стихли, Першин услышал стон, похожий на тяжелый вздох. Он выглянул: проводник лежал ничком, подогнув ноги.

— Ко мне! — крикнул Першин в глубину коридора и прыгнул в тоннель.

Разведчики окружили его, изготавливавшие автоматы, но стрелять не пришлось, не было цели. Все было тихо, спокойно, горела цепь фонарей, тоннель оставался пустым и безлюдным. Першин нагнулся: в спине старика торчала массивная металлическая стрела.

На проводника, конечно, охотились не случайно, без него отряд слеп. Першинкрыл себя последними словами: старик перед спуском отказался от бронежилета, уговорить его он не смог.

Он подозвал к себе Бирса и Ключникова и приказал затаиться где-нибудь поблизости, пока отряд прочешет тоннель.

— Сейчас половина пятого, через час линию ставят под напряжение, — предупредил их Першин. — Если мы не вернемся, действуйте по обстановке.

Бирс и Ключников устроились в глубине боковых ниш за уступами и могли скрытно наблюдать за тоннелем; в то же время они видели друг друга и могли обмениваться знаками.

С уходом отряда в тоннеле повисла непроницаемая тишина. Спустя время донесся непонятный скрещивающий звук, и в просвете тоннеля необъяснимо возник человек. Трудно было понять, откуда он появился, потому что боковая стена в этом месте выглядела сплошной, но именно из стены показалась сначала голова, потом шагнул он на колено, поозирался, прислушался.

Одеть он был весьма странно: мешковатый темный комбинезон вроде тех, что носил в армии технический состав в годы войны, грубые рабочие башмаки из свиной кожи с заклепками, старый авиационный шлем, по экипировке можно было подумать, что его занесло сюда из давних времен.

Бирс и Ключников обменялись знаками — будем брать. Они дождались, когда незнакомец поравняется с ними, и прыгнули на полотно с двух сторон, незнакомец оказался между ними.

Нельзя было сказать, что они застигли его врасплох. Незнакомец мгновенно упал на шпалы, откатился в сторону и вскочил, держа перед собой саперную лопатку, как топор.

Бирс и Ключников поняли, что недооценили противника: первым делом его следовало обезоружить. Но момент былпущен, надо было начинать сначала.

— Брось лопатку! — приказал Ключников.

Незнакомец не подумал подчиниться, он попятился и, держа лопатку перед собой, пружинисто присел, готовясь к рукопашному бою. Бирс и Ключников разошлись по обочинам, однако стены тоннеля не позволили взять противника в клещи.

— Брось лопатку, мы тебе ничего не сделаем, — пообещал Бирс.

Незнакомец, казалось, не слышал. Он попятился, сохранив дистанцию, и не подпускал их к себе. В эту секунду мигнули фонари: диспетчер, как всегда, за десять минут до пяти часов давала первый временной сигнал, предупреждая, что вскоре в третий рельс дадут напряжение.

— Эй, парень, стой! Погоди... Пора отсюда убираться, — обратился к незнакомцу Бирс, тот не ответил, но лицо его выражало враждебность.

Они пытались сблизиться с ним, он попятился и вдруг бросился бежать по узкой

Церковь св. князя Владимира у Ивановского монастыря («св. Владимир в Садах»). Фотография XIX века

обочине. Ничего не оставалось, как пуститься вдогонку.

Все трое метались по штрекам, боковым выработкам, шахтным сбойкам и каналам, лезли вверх-вниз по металлическим лестницам и пробирались по узким кабельным коллекторам. Беглец не раз оказывался у них за спиной: прислушавшись, они неожиданно слышали его шаги позади.

И все же он не мог оторваться от преследователей. Они, как гончие, взявшись за руки, кружили по лабиринту и диву давались, как незнакомец ориентируется под землей.

Иногда он затаивался в темноте, они вдруг переставали слышать его и медленно крались, освещая фонарями каждый угол, готовые в любую секунду отбить нападение.

Незнакомец тем временем сквозь воздушный канал выскоцил в шахтный ствол. Это был гигантский колодец из чугунных колец, который глубоко прорезал землю, на стене его висела отвесная железная лестница вроде тех, что висят по стенам домов на случай пожара. Каждые шесть метров лестница прерывалась маленькой промежуточной площадкой из прутьев, и, когда Бирс ступил на площадку, у него зашлось сердце: площадка висела над бездонным провалом.

Незнакомец быстро лез по лестнице вверх, удары ботинок по железным перекладинам наполняли ствол шахты протяжным металлическим звоном. Бирсу до смерти надоела бесконечная погоня, одноконечно не оставалось, как снова пуститься вдогонку.

Двумя пролетами ниже следом лез Ключников. Бирс подумал, что хорошо бы загнать незнакомца в верхний коллектор или добраться до наземного киоска, откуда можно было попасть на поверхность. Он лез, задыхаясь и чувствуя, как немеют руки и ноги, и вдруг он услышал наверху голоса и увидел на верхней площадке горящие фонари: в это трудно было поверить, но наверху беглеца дожидались остальные разведчики.

Незнакомец понял, что попал в западню. Он взобрался на ближайшую площадку и остановился, поглядывая вверх и вниз.

— Слушай, парень, мы тебе ничего не сделаем, обещаю, — крикнул сверху Першин.

Беглец молчал и озирался в каком-то странном оцепенении, словно решал что-то важное для себя. Бирс добрался до пло-

щадки, которая располагалась на один пролет ниже, и теперь их разделяло только шесть метров, можно было хоть немного перевести дух. Пока Бирс отдувался, на площадку рядом с ним тяжело взобрался Ключников, судя по его виду, погоня и эта лестница дали ему тоже нелегко.

— Слушай, кончай, — раздраженно сказал он незнакомцу. — Погонялись — и хватит!

Беглец не ответил. Освещенный сверху и снизу яркими фонарями, он затравленно озирался, понимая, что деться некуда.

Неожиданно для всех незнакомец вскочил на прутья ограды, застыл на мгновение, что-то крикнул и бросился вниз. Он долго летел в сумеречной пустоте, потом снизу донесся короткий глухой удар, и все было кончено.

Серое утро тихо вползло в Москву. Рассветный туман обложил подножия московских холмов и осел в низинах — на Студенце, в Садовниках, на Кочках и на Потылихе. Солнце растопило туман над холмами и отразилось в окнах высоких домов в старом Кудрине, на Воробьевых горах, в Конюшках и Дорогомилове, в Котельниках на Сенной и у Красных ворот. Просыпаясь, город постепенно наполнялся гомоном и разноголосицей, на улицах взбухал городской гул — взбухал и катился из края в край.

Страх, который всю ночь сжимал Москву, отпустил, но не исчез — затаился в урочищах и логах, в сумрачных подворотнях, в подъездах, в глубоких подвалах и колодцах, откуда он выползал с наступлением темноты.

Смутная тревога витала над Чертольем по обе стороны от Волхонки. Правильнее было бы сказать — Черторье, названиешло от ручья Черторый, текущего прежде по Сивцеву Вражку и сбегавшего оврагом на месте Пречистенского бульвара, однако на языке москвичам легло — Чертолье, и привычка укоренилась.

Место издавна слыло нечистым, тревога тянулась с незапамятных времен, когда был здесь Опричный двор.

Жители первых этажей по Лебяжьему переулку и Ленивке не раз обращались в ремонтные конторы, жалуясь на проваливающиеся часто полы, под которыми открывались обширные подземелья. И в прежние времена ясновидящие видели под землей по всему Чертолью ходы и палаты, как видят их нынешние экстрасенсы. Разумеется, можно отмахнуться, но как

быть, если сейсмографы, ультразвуковые и электромагнитные локаторы указывают в глубине земли подземные аномалии и пустоты? А те, кому повезло, могли своими глазами увидеть поражающие воображение подземелья старого Ваганькова: под холмом таятся шатровые палаты, сводчатые переходы, загадочные каменные мешки и гигантский выложенный белым тестом камнем колодец, уходящий под землю на глубину небоскреба. И, похоже, там, внизу, к нему с разных сторон подходят подземные галереи.

Необъяснимая тревога во все времена владела человеком в Чертолье, ныла в груди и не давала покоя. Многие люди с чуткой душой и поныне испытывают в Чертолье смущение и душевное неудобство: у одних благодушие сменяется здесь непонятным смятением и робостью, а другие испытывают тревогу и злость.

Сверху в шахту стекали тонкие струи воды. Тело беглеца подняли по стволу в верхний коллектор, сюда с поверхности доносился громкий плеск воды, словно поблизости на землю обрушился ливень. По лестнице из сдвоенных прутьев Першин поднялся к решетчатому люку, открыл его и выбрался наружу.

В это трудно было поверить. Он стоял у подножия фонтана, шумящего в сквере за спиной каменного Карла Маркса, посреди Театральной площади. Фонтан был построен в тридцатых годах прошлого века архитектором Витолем: семь чугунных ангелов держали тесаного гранита чащу, из которой вода шумно падала в круглую чугунную ванну, стоящую в гранитной беседке, куда вели чугунные воротца. Вокруг ажурной решетки плотной зеленою стеной рос стриженный кустарник, и казалось невероятным после ночной погони под землей выбраться рядом с БОЛЬШИМ театром и гостиницей «Метрополь».

«С ума сойти! — подумал Першин, озираясь. — Мотаться всю ночь под землей, чтобы утром вылезть у фонтана в центре Москвы!»

Было раннее утро, площадь по кругу обегали редкие машины, и холодный свежий воздух был особенно вкусен после подземной духоты и запаха смога и машинного масла. Разведчики один за другим вылезали из люка и опускались в густую траву у фонтана. Настроение у всех было подавленное, словно они совершили что-то такое, отчего самим стало тошно. И все же они не зря спускались и не зря провели ночь под землей: внизу таился кто-то, кто был готов на все, даже на смерть.

Пришли машины, на одной разведка отправилась отсыпаться, на другой тело беглеца повезли в лабораторию на исследование. При дневном свете незнакомец выглядел особенно бледным, точно он всю жизнь провел под землей.

Отоспавшись после первого спуска, разведка на следующую ночь спустилась вновь.

После свежего ночного воздуха всех встречал резкий запах креозота и масла, употребляемого для пропитки шпал, смешанный с запахом антрацена, угольной вытяжки, которую добавляли в креозот.

Поблизости от пикета отряд вышел к шахтному стволу, где вентиляционная сбойка соединяла тоннели. Здесь со стен и свода сочилась вода, по дну бежал ручей, все намокли, осматривая сбойку и шахтный ствол; следов чужого присутствия никто не заметил.

За перекрестком неожиданно обнаружился новый тоннель, не обозначенный на схеме, которой пользовался отряд.

Это выглядело странно: основные тоннели, по которым ходили поезда, поднимались к мосту через Москву-реку, тогда как загадочный тоннель спускался между ними вниз и по дуге круто уходил в сторону.

Першин достал карту города и понял, что странный тоннель идет на юго-запад в направлении огромного пустыря, раскинувшегося между проспектом Вернадского и университетом.

Першин решил разведать ответвление, как вдруг вдали за спиной послышался гул моторов: со стороны центра приближался мотовоз.

По приказу Першина разведчики быстро рассредоточились, все укрылись за поворотом. Першин натянул черную спецовку и оранжевый сигнальный жилет ремонтника. Мотовоз приблизился, на платформах стояли новые глянцевые микроавтобусы «тойота», мотовоз с грузом направлялся в тоннель, уходящий под дно реки.

Першин сделал вид, что возится с крепежными болтами рельсов, и, пока помощник машиниста переводил стрелку, спросил простодушно:

— Куда гоните?

— Кто их знает.. Раньше все «рафики» везли, а теперь «тойоты», — ответил машинист. — Они нас непускают. Довезем до ворот, дальше другие везут.

— Не доверяют?

— Да ну, секреты у них! — машинист сстроил гримасу и выругался.

— А что за ворота?

— Ты не видел ни разу?

— Я тут новый, с другой ветки перевели, — объяснил Першин.

— Ну так поезжай с нами, покажем, — предложил машинист.

Першин забрался на платформу, они проехали вниз по дуге около трехсот метров и теперь, вероятно, находились под дном Москвы-реки. Дорогу преграждала огромная, во весь просвет тоннеля решетка, затянутая белой, с перламутровым отливом тканью, похожей на мягкий пластик. В центре ворот на створках висели ржавые железные панели, контактный рельс обрывался за тридцать—сорок метров до ворот.

За воротами было темно, в глубине тоннеля из открытой двери дежурки на колею падал тусклый свет, освещавший вторые, уже глухие, ворота, в которых была заметна узенькая калитка.

Першин, машинист и его помощник спустились на полотно, створки ворот открылись, и новый экипаж — серье зные, непроницаемые люди — повел мотовоз дальше.

— Зачем им машины? Неужто у них там дороги? — недоверчиво покрутил головой Першин, изображая простака.

— А ты думал! — отозвался помощник машиниста — Разъезжают! Мне отец рассказывал... Дороги, да еще какие.

— Ну да! — ахнул Першин. — Куда ездят?
— Под землей куда хошь проехать мож но, — вмешался машинист. — По Москве и за город.

— Неужели за город?!

— Само собой. На любое шоссе. В лес, к примеру, на аэродром. Удобно!

— Мать мой! Это ж сколько денег вложили! — чесал затылок Першин, а машинист и его помощник усмехались снисходительно — кто, мол, считает...

Так они коротали время в досужем разговоре, вскоре послышался рокот мотора, ворота распахнулись, и мотовоз выволок пустые платформы.

Першин доехал с ними до развилки, слез, мотовоз загрохотал и, набирая скорость, умчался в сторону центра.

Пока разведка двигалась дальше, Першин на ходу размышлял. Опасность может таиться повсюду: в старых галереях, подземных системах и в новых сооружениях, о которых никто ничего не знал. Подозрение вызывала Ивановская горка, вся изрезанная ходами, соединяющими погреба бывшего Соляного двора с глубокими подвалами Ивановского монастыря и церкви князя Владимира, что в Старых Садах. И огромный Сретенский холм в междуручье Неглинной и Яузы был, похоже, изрезан внутри, как Кремль и Зарядье, где гостиница венчала гигантский бункер глубокого залегания. Тайные тоннели вели в сторону Можайска и Лопасни, к подземным центрам управления и связи различных ведомств и родов войск.

Тайным чутьем, развитым у людей, подвергающихся опасности, разведчики угадали в галерее чужое присутствие, вернее, почувствовали до того, как незнакомцы появились. Отряд погасил фонари и затаился во мраке — слился с ним, стал его частью, неразличимой для глаз.

Незнакомцы появились — не пришли, нет — возникли, будто часть мрака обратилась в пять стуков, которые приняли очертания людей: мрак выдавил их из себя, как пасть из трубок. Першин включил сильный фонарь и ярко осветил фигуры. Из темноты он хорошо разглядел их, окаменевших на свету: бледные лица, темные мешковатые комбинезоны,

грубые башмаки. Один к одному они выглядели, как беглец, покончивший с собой.

После мгновения замешательства незнакомцы бросились наутек. Выложенный старым кирпичом древний ход привел отряд в шатровую каменную палату, где беглецы приняли бой. Разведчики, распавшись цепью, поливали их огнем, пока вдруг не поняли, что ответной стрельбы никто не ведет.

Разведчики нашли всех пятерых, все они были мертвые. Першин осмотрел их и не поверил глазам: каждый из них, похоже, последней пулей покончил с собой. Невозможно было понять их невероятного упорства и необъяснимого конца.

Неожиданно один из них поморщился и слегка застонал. Першин быстро наклонился к нему и нашупал пуль: человек был жив. По-видимому, он был ранен раньше и потерял сознание до того, как остальные застрилились.

Раненого с большим трудом подняли во двор, незнакомец не приходил в сознание и по-прежнему стонал.

Было раннее утро, в траве поблескивала роса, верхние окна высокого соседнего дома отражали светлую пустоту неба. Першин в недоумении озирался: выбравшись из старинного церковного подвала, они, к своему удивлению, оказались на Малой Знаменке, позади Музея изящных искусств, посередине Чертолья.

Першин по радио вызвал машины, шум и голоса разбудили обитателей дома, на разных этажах в окнах появились сонные лица. Открадываясь им картина могла напугать любого: из подвала, который всегда был закрыт на замок, один за другим поднимались рослые автоматчики в пятнистых комбинезонах, лица их покрывала камуфляжная краска, и выглядели они так, словно всю ночь валялись в грязи; поднявшись, они тут же устало валились на землю. И уже вовсе перепугались жители, когда из подвала вынесли раненого и убитых.

ОТ АВТОРА

Роман был задуман давно, но работа шла вяло, от случая к случаю: затея была не из тех, что поощряются официально.

Замысел окреп после посещения мною в начале восьмидесятых годов катакомб

первых христиан в Италии. С новым тщанием я стал изучать старые московские подземелья, накапливались свидетельства существования на большой глубине невероятных и неправдоподобных сооружений, построенных уже в наше время.

От разных людей до меня дошли отголоски давней молвы: якобы после войны было построено некое особо секретное сооружение — одно из многих — тайный бункер, способный существовать отдельно, сам по себе, без связи с поверхностью.

Молва принесла странные подробности: объект строили заключенные, которые позже бесследно исчезли, а люди, ведавшие стройкой, в короткий срок одни за другим ушли из жизни: кто в обычной автомобильной катастрофе, кто утонул, а кто просто-напросто случайно выпал из окна.

Со временем тайный объект никто не вспоминал. О бункере забыли, он прочно стерся из памяти и потерялся, точно подводная лодка в океане.

Поразмыслив и собрав сведения (помимо всего прочего, мне удалось не раз спускаться под землю самому), я пришел к выводу, что тайный бункер жив. Об этом роман.

Бункер обслуживали добровольцы, преданные режиму. Персонал составляли сироты, юноши и девушки, выросшие в детских домах, не ведающие сомнений комсомольцы, которых с особой строгостью и усердием отбирали по всей стране.

Отобранных с пристрастием кандидатов долго и придирично проверяли на чистоту происхождения или иную червоточину, каждому сказали, что его выбрал Сталин. Все они ужасно гордились доверием и готовы были отдать жизнь за вождя.

После его смерти они не знали, как жить. Перемены пришли им не по наряду, и они навсегда остались в бункере, обрубив все связи с поверхностью. Там, внизу, у них со временем появились дети, даже внучки, и если для первого поколения подземное существование было эмиграцией, то для детей и внуков бункер — отечество, милая родина, которой они преданы всей душой. Поверхность же, естественно, — чужбина, а мы, по крайней мере некоторые из нас, — враги.

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРИЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУДЖЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ

ОФОРМИ ПЕРЕДПЛАТУ НА 2019 РІК

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

РАЗМИНКА ЗАКОНИЧИЛАСЬ ИГРА

КОМПЛЕКТ: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА» + «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА. СПЕЦВЫПУСК»

ІНДЕКС 49542

3 міс. - 63,54 грн
6 міс. - 127,08 грн
12 міс. - 245,15 грн

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА»

ІНДЕКС 35257

3 міс. - 36,87 грн
6 міс. - 73,74 грн
12 міс. - 147,48 грн

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА. СПЕЦВЫПУСК

ІНДЕКС 49056

3 міс. - 30,59 грн
6 міс. - 61,18 грн
12 міс. - 122,37 грн

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАЇНА. ЛЬГОТНИЙ»

(Для передплатників попереднього періоду та пенсіонерів)

ІНДЕКС 37104

3 міс. - 32,95 грн
6 міс. - 65,89 грн
12 міс. - 131,78 грн

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Ф. СП-1 Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ

на газету

(індекс видання)

Кількість компл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди

(поштовий індекс) (адреса)

Кому:

(прізвище, ініціали)

ПВ	місце	літер
----	-------	-------

ДОСТАВНА КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ

на газету

(індекс видання)

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО	(найменування видання)	Вартість	передплата	Кількість компл.									
на 2020 рік по місяцях		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий

індекс

01001

код вулиці

буд.

корп.

кв.

місто

село

область

район

вулиця

прізвище, ініціали

Передплату можна оформити за тел.: (044) 207-97-25, або на сайті market.umh.ua

ТОПОР ВОЙНЫ ИНДЕЙЦЕВ МАЙЯ

EAST NEWS/IMAGE FORUM

Михаил БЕЛЯТ

Специально для «Совершенно Секретно»

Не так давно в расположеннном на юго-западе Колумбии департаменте Каука произошло событие, породившее надежды на реальные перемены к лучшему – к долгожданному миру. И были связаны эти ожидания с индейцами.

Более пятидесяти лет в Колумбии длится гражданская война между партизанскими группировками левого толка, с одной стороны, вооружёнными формированиями правых – с другой, наркобандами – с третьей, и правительственными войсками – с четвёртой. Три последние силы, иногда вступая в союз, вместе наваливаются на «красных», но чаще все воюют против всех. Странная эта война, унёсшая за пять десятилетий более 350 тысяч жизней, уже давно утратила декларированные политические цели и приобрела почти феодальный характер борьбы за плантации коки и контроль над десятками тысяч крестьян, на этих плантациях работающих и ими живущих.

Рейды, боестолкновения, бомбёжки, засады, уничтожение деревень и населённых пунктов, расстановки минных полей и прочее, прочее, из чего состоит любая война, а гражданская в особенностях, – всё это приносит неисчислимые страдания тем, кто вынужден обитать в её горниле: крестьянам. Именно среди крестьян война собирает самую обильную кровавую жатву. Именно крестьяне вынуждены идти в рабство на плантации, выращивать, транспортировать и перерабатывать коку в зловредный продукт, потому что ничем иным в условиях этой войны прожить нельзя. Именно крестьянские сыновья от отчаяния или под воздействием пропаганды пополняют ряды и партизан, и правых, и наркобанд, беспрерывно

истребляя друг друга в ожесточённых боях и стычках.

Как и во многих других странах Латинской Америки, в Колумбии абсолютное большинство крестьян – индейцы. Вот они-то, индейцы племени наса, обитающие в труднодоступных джунглях бассейна реки Каука и на горных склонах, растянувшихся к юго-западу вплоть до океана, и решили изгнать войну со своей земли.

Многолетние усилия политических сил Колумбии по установлению мира пока не дают ощутимых результатов. Чаще дело ограничивается благими намерениями, иногда недолговечным перемирием, всегда – громкими декларациями всех воюющих сторон. Но война продолжается. И от неё устали все – люди, страна, власти. Устали индейцы.

Старшины племени наса, опираясь на «особую индейскую юрисдикцию» и права автономии, предусмотренные конституцией 1991 года, постановили очистить «земли предков от конфликтующих сил».

«Установить мир во всей стране племени наса не по силам, но на своей территории мы войны больше не допустим», – сказали индейцы и выгнали солдат с военной базы на священной горе Берлин, взяв тридцать из них в заложники. Потом они выгнали из лесных лагерей бойцов самой мощной в Колумбии левой партизанской группировки «Революционные вооружённые силы Колумбии» (РВСК – FARC), захватив четырех. И вступили в переговоры с правительством и с руководством FARC.

Исходя из соображений гуманности, совет племени освободил от наказания пленных солдат, как людей подневольных и подчинённых. Что касается захваченных партизан, пойманых с оружием в руках и взрывчаткой в ранцах, то с ними поступили, исходя из убеждения, что лучшая профилактика любой противоправной деятель-

ности – неотвратимость кары. Кроме того, «герильерос» пошли воевать добровольно, утомившись крестьянским трудом, и опять же, свой брат – индейцы. Словом, каждый получил по тридцать ударов кнутом в науку и в принуждение к миру.

Надежды, которые породили эти события, взбаламутившие Колумбию, основываются на простой мысли – если крестьяне во всех охваченных войной департаментах поступят таким же образом, как поступило племя наса, война утихнет сама собой. «Герилья», а война в Колумбии носит безусловный партизанский характер, невозможна без поддержки и сочувствия населения.

Мы – майя!

Нам свойственно мыслить стереотипами, предаваясь раздумьям о малоизвестном или далёком. Так проще, а при невероятном количестве информации, которое, подобно тропическому ливню, обрушивается ежедневно на наши головы, – так, наверное, и практичнее.

Понятие «индейцы» немедленно вызывает в воображении каравеллы Колумба, кирасы конкистадоров, пышные пломажи из орлиных перьев, вигвамы и томагавки... «Коварные гуароны», «последние могикане», «борьба семинолов за Флориду»... Фенимор Купер и Томас Майн Рид... В последнее время к этому набору добавились ещё и «предсказания жрецов майя».

Если спросить любого европейца или гражданина США о положении индейцев в Америке, за редким исключением, получишь в ответ также набор стереотипов: нищета, бесправие, малограмотность, алкоголизм, резервации, чёрная работа...

На самом деле, устоявшиеся в массовом сознании образы, подобно занавесу в театре, скрывают очень серьёзные вещи. В Западном полуширии с каждым десятиле-

тием набирает силу процесс возрождения самосознания индейских народов. Процесс развивается уже достаточно давно и оказывает всё более заметное влияние на многие аспекты жизни государств континента. Но известно о нём немногое.

– Это мой лейтенант, – небрежно сказал дон Херонимо и ткнул пальцем в короткого толстого человечка, в смущении перевиравшего в пыли босыми ногами. – Он вас проводит и устроит...

– Эй, Чако, слышишь, – обратился дон Херонимо к помощнику. – Устрой сеньора получше, он не мексиканец...

– Да, мой капитан! – браво ответствовал Чако и коснулся правой ладонью огромного козырька своего бейсбольного кепи.

Капитан дон Херонимо Васкес не был военным. Он вообще никогда не служил в армии, а занимал скромную должность алькальда небольшой индейской деревушки, затерянной в лесах полуострова Юкатан. Никогда не носил формы и лейтенант Чако. Тем не менее величали они друг друга исключительно на военный манер. Как выяснилось чуть позже, в деревушке, кроме двух офицеров, обитало и с полдюжины капралов...

Дело происходило сравнительно недавно, лет двадцать назад. Тогда ещё не вытянулась вдоль Карибского побережья Юкатана линия дорогих отелей, ещё не лёг на белые пески асфальт скоростных автотрасс и не существовало ещё всего этого масштабного и роскошного туристического комплекса, который называют сегодня Ривьера-Майя. Тогда пляжи здесь были дикими, поросшими редкими жёлто-зелёными лопухами, а в подступавших к побережью лесах располагались вот такие деревушки – общины майя.

Лейтенант Чако отвёл меня в круглую,

За что борются коренные обитатели американского континента? Путешествие в глубь дремучей сельвы

составленную из бамбуковых стволов, щелястую хижину, крытую посеревшим под ливнями пальмовым листом. Хижина стояла в тени огромного разлапистого дерева на опушке, прудувалась всеми ветрами и потому считалась самой комфортной и прохладной в деревне. С моим появлением в хижину стал заглядывать с пыльной деревенской площи сухопарый рыхий петух, каждый раз невозможн удивляясь незнакомцу. Изумлялся петух громко и скандально.

В унисон с петухом относилось ко мне и остальное население деревни. Чужих здесь не жаловали, хотя везде в Мексике — на западе, на востоке, на севере, в крестьянской халупе и в богатой гасиенде — гостей встречают искренне и радушно. Оказалось, у людей имелись достаточно веские причины для сдержанности. Петух же не любил пришлых беспричинно.

— Ха, сеньор, это ведь только в книжках «Война касти» закончилась в 1901 году, — назидательно говорил лейтенант Чако, припадая к бутылке купленного за мой счёт пива. — А по мне, так она всё идёт, хоть мы и не стреляем друг в друга...

— Кто это «мы», теньенте? — заявление толстого Чако заинтриговало меня до чрезвычайности.

— А «мы», сеньор, это мы — индейцы-майя, те, кто живёт на этой стороне Юкатана, на востоке. И они — белые, креолы, метисы, мулаты... Мексиканцы, одним словом, которые захватили запад...

— Выходит, вы не мексиканцы?

— Отчего же, теперь и мы тоже мексиканцы. Но мы — майя! — гордо поднял голову Чако. Когда пафос улёгся, он с тоской взглянул на уже пустую бутылку пива. Пришло время выдать ему ещё одну, и лейтенант воспрял духом.

— Между прочим, чины у нас с той войны остались, — сказал он, слегка задохнувшись глубоким глотком. — В наших общинах все алькальды — капитаны, их помощники — лейтенанты, старши по улицам — капралы... Ополчение у нас тогда было, своя армия... Шестьдесят лет, считай, против Мексики держались!

— А что, генералов у вас разве нет?

— Только капитаны. Наших генералов и полковников мексиканцы поубивали. Всех. Тогда ещё, давно. Ни одного не осталось.

— Почему же, теньенте, вы полагаете, что та война ещё не закончилась?

— Нет-нет, закончилась! Конечно, закончилась! — испугался вдруг Чако. — И чего нам теперь делить? Ведь мы отвоевали себе равные права и всё такое... Хотя сейчас тоже любой белый живёт лучше любо-

го индейца... Я о крестьянах говорю, городские — другое дело. Там свои порядки...

«Вот вам и древний народ, исчезнувшая цивилизация, Чичен-Ица, Паленке, Тулум, — думал я, возвращаясь через три дня из той общинны. — А они никуда, оказывается, не исчезали, живут по-прежнему вокруг своих пирамид... Да ещё воевали почти шесть десятилетий, создав, по существу, собственное государство... Удивительно!»

Война касти

«Война касти» разразилась на востоке Юкатана в июле 1847 года. Впрочем,войной между никогда не существовавшими в мексиканском обществе кастами назвали эти события гораздо позднее учёные и исследователи, желая подчеркнуть их социальный характер. На самом деле это был бунт, восстание индейцев-майя, компактно проживавших на востоке полуострова, там, где издревле строили их предки свои города и храмовые комплексы. Поднялись они против белых, креолов, метисов, мулатов, которые насыщали преимущественно западные районы Юкатана.

Это было восстание нищих, угнетаемых, умирающих от голода и болезней против относительно благополучных, а с точки зрения индейцев, так и просто богачей. Конфликт между бедными и богатыми. Извечный конфликт, не решённый до сих пор нигде в мире, в том числе и на землях майя.

Как и большинство массовых всплесков эмоций такого рода, восстание майя было жестоким и кровавым. Перефразируя классика, не приведи Бог увидеть индейский бунт, бессмысленный и беспощадный. Отряды майя, обрушиваясь на западные поселения и города, вырезали всех подчистую, без различия пола и возраста. Кровь густыми потоками вливалась в океанский аквамарин, окрашивая его розовой мутью. В первые годы восстания было убито 250 тысяч человек, в основном белых.

Поначалу бунтовщикам противостояла Республика Юкатан, формально не входившая в состав Мексиканских Соединённых Штатов. Но со слабыми республиканскими формированиями майя расправлялись играючись. Когда в руках восставших оказалась большая часть полуострова, правительство Республики обратилось за помощью к Мексике, и в дело вступили мексиканские федеральные войска. Бунт принял формы подвижной манёвренной войны,

растянувшейся на долгие годы и захватившей огромные пространства.

За почти шесть десятилетий противостояния с Мексикой майя сумели организовать свою армию, систему самоуправления, снабжения войск продовольствием и боеприпасами. Естественно, на занятых ими территориях существовал некий кодекс норм, правил и уложений, не оформленный в конституцию, но принятый населением и вполне эффективный.

Это индейское государство просуществовало всего лишь на полтора десятилетия меньше, чем Советский Союз. Влияние, оказанное им на положение индейцев во всём регионе, включая и Центральную Америку, трудно переоценить. Фактическое рабство и кабала были отменены повсеместно, в законах целого ряда стран появились разделы и параграфы, провозглашающие и гарантирующие права индейцев. В их селениях появились школы и медики, они получили доступ к высшему образованию.

Разумеется, не всё шло гладко и после окончания войны. Конституционные декларации далеко не всегда подкреплялись практикой бытия. Впоследствии индейцы ещё не раз брались за оружие. Майя активно участвовали в революции и гражданской войне в Мексике в 1910–1917 годах, формируя полки в Армии Юга под предводительством Эмилиано Сапаты; в «войне кристерос» в конце 20-х годов прошлого века, когда мексиканские крестьяне, вступившие за католическую церковь, продолжали решать так и нерешённый революцией вопрос о земле.

Республика в сельве

В конце XX века индейцы были не менее активны, чем в его начале. Да и сегодня они не оставляют своих наивных надежд на воцарение абсолютной справедливости и гармонии в окружающем их мире. За почти ритуальной невозмутимостью индейанок, часами вывязывающих длинные полосатые чулки, сидя на асфальте у стен кафедрального собора в горном городке Сан-Кристобаль-де-лас-Касас, скрываеться многое. Ни одному европею не дано читать индейские лица, понимать их ускользающие, неверные взгляды, до конца познать космогонию их духовных миров. Но любой белый, креол или метис — любой чужак, общаясь с индейцами, способен ощутить то огромное, тревожное, неизвестное, что таится под невозмутимыми масками их лиц.

На 400 километров южнее деревушки майя, где обитали когда-то капитан

Херонимо Васкес, его лейтенант и каправлы, и почти через 15 лет после той встречи судьба вновь свела меня с индейской автономией.

Дорога от историко-археологической зоны Паленке в глубь штата Чьяпас, самого южного и, как считается, «самого индейского» штата Мексики, плохая. Грунтовая, каменистая и пыльная, крутится она среди невысоких лесистых гор от Паленке до селения Ососинго, неподалёку от которого шумят водопады упоминаемого всеми туристическими справочниками национального парка Агуасуль. Несмотря на столь громкую славу водопадов, места здесь пустынные, диковатые, а в сезон ливней, когда между горами плавают ошмётки чернильных туч, осевших на вершинах, просто мрачные. И, конечно, мистические. Развалины древних храмов, руины цивилизаций, разбросанные по лесным чащам вокруг Паленке, вся зона, полная тайнств и загадок, сообщает здешней атмосфере несколько гнетущий, временами даже зловещий характер.

Где-то здесь, в этих лесах, в этих ущельях, в 1994 году прогремели бои сапатистов с мексиканской армией. В них погибли десятки крестьян из повстанческих отрядов и десятки солдат. Тяжёлый запах крови, впитавшейся в красные терракотовые земли Ососинго, до сих пор обволакивает верхушки каоб и каучуковых деревьев, смешивается с тучами, добавляя тревогу, порождая неосознанное беспокойство. Возникает безотчётое желание утопить педаль газа и скорее оказаться в ландшафтах более приветливых и спокойных. Но быстро ездить по покрытому известковой пылью «серпантину» не рекомендуется — можно слететь в пропасть слева или наткнуться на каменный уступ справа. Инстинкт самосохранения работает здесь лучше самой строгой дорожной полиции. Впрочем, откуда взяться ей, полиции, тут, если места эти вот уже несколько лет вовсе не Мексика.

Сразу за крутым поворотом, над которым нависает глыба известняка, перевитая змеиними кольцами обнажившихся корней, через дорогу протянута верёвка с болтающимся на ветру куском картона. Тут же, на самом краю пропасти, стоит почтенневшая от туманов и непогод дощатая будка. К её стене прибит лист фанеры, на котором красной краской неумелой рукой нарисован автомат Калашникова и выведена корявая надпись: «Внимание! Вы въезжаете на территорию Сапатистского фронта национального освобождения — FZLN».

Из будки выходят двое индейцев. Это

■ Эмилиано Сапата и его «братья» по оружию

уже не майя, в штате Чьяпас обитают преимущественно племена языка науатль — потомки ацтеков. Они сухощавы, подтянуты, мускулисты. К поясу прицеплены мачете без ножен; автоматов и иных «стволов» не видно. Уже легче.

— Сеньор едет в Агуасуль, на водопады? — спрашивает один из них, наклоняясь к окну.

— Да, именно туда, — отвечаю весело, улыбаюсь, но чувства при этом испытываю самые смятенные. На дороге от поворота до поворота ни души, кругом тишина — ни гула мотора, ни стука шин по камням, лишь протяжно, напльвами шумит под ветром лес.

— Надо купить билет, сеньор, — говорит индеец, улыбаясь в ответ и щедро демонстрируя чёрные дыры на месте передних зубов. — Сорок песо (четыре доллара. — М.Б.) с персоны.

— А он будет действителен при въезде в Агуасуль, этот билет? — позволяю себе усомниться, но сорок песо плачу.

Индеец неопределённо пожимает плечами и протягивает мне очень неубедительную, скопированную на ксероксе бледную бумажку.

— Какая разница, сеньор? — философски замечает он, отвязывая конец верёвки и освобождая проезд. — Платить-то всё единого надо...

Билет, разумеется, оказался недействительным — это был своеобразный налог, взимаемый за проезд по территории Фронта, к тому времени уже несколько лет автономной от федерального правительства и властей штата.

После восстания крестьян-индейцев в штате Чьяпас, случившегося 1 января 1994 года, и первых боёв между Сапатистской армией национального освобождения (FZLN) и федеральными войсками стороны достаточно быстро пришли к договорённостям. Федералы обязались не совершать рейдов на партизанские территории, а сапатисты не предпринимали попыток экспорттировать вооружённую борьбу за пределы Лакандонской сельвы, обширного горного лесного массива, где располагался очаг восстания.

Так образовалась эта независимая от Мексики индейская республика, состоявшая из 32 муниципальных образований. Ни Сапатистский фронт — политическая организация, провозгласившая своей целью борьбу за восстановление конституционных прав индейцев, ни Сапатистская армия — вооружённое партизанское формирование, не вмешивались в управление этими районами. Индейцы управляли сами собой, создав в каждом муниципалитете автономные повстанческие советы и правительства, выбирало которые всё население. Вновь созданные органы исполнительной власти назывались «хорошими правительствами» в противовес «плохим», которые сидели в Мехико, в столице штата Чьяпас, в муниципалитетах. «Плохие» считались насквозь коррумпированными, защищающими интересы немногочисленных привилегированных групп. «Хорошие» — не только выбирались напрямую населением, но и отчитывались перед ним, выносили на публичное обсуждение проекты своих решений. Министры «хороших правительств» в своих креслах

не засиживались: меняли министров достаточно часто, не без оснований полагая, что человек быстро привыкает к власти, а власть портит.

Результаты такого правления не заставили себя ждать: всего три года спустя в Лакандонской сельве впервые появились постоянно работающие врачи, 500 медицинских пунктов, отвечающая современным требованиям региональная больница, 2 госпиталя, 8 муниципальных клиник, были построены несколько десятков новых школ и библиотек, ремесленные училища, крестьяне начали пользоваться услугами квалифицированных агрономов и зоотехников. Надо сказать, индейской республике помогала вся Мексика — сотни волонтёров, врачей, учителей, специалистов в различных сферах стекались в Чьяпас и пробирались через армейские патрули на партизанские земли. Приходили туда и добровольцы из стран континента.

Команданте Маркос и другие

Субкоманданте Маркос, идеолог, политический и военный руководитель движения индейцев штата Чьяпас, десять лет скрывал лицо под чёрной балаклавой. Однако стал известен всему миру, благодаря своим выступлениям по радио, книгам, статьям в ведущих газетах континента, видеозаписям, выкладывавшимся в только-только появившейся глобальной сети. Инкогнито субкоманданте расшифровали достаточно быстро, сначала полицейские власти, а потом и общественное мнение. Но фигура его и лицо под неизменной балаклавой и с неизменной дымящейся трубкой во рту продолжали оставаться загадочными, таинственными и невероятно романтическими. Многие считали его реинкарнацией мятежного духа Че Гевары.

Рафаэль-Себастьян Гильен Висенте, выпускник философского факультета самого крупного университета Мексики — Национального автономного (UNAM), профессор столичного государственного университета, 17 лет провёл в индейских общинах на юге Мексики, изучая, просвещая, организуя. Будучи талантливым пропагандистом, Гильен Висенте сумел вывести движение из информационного вакуума, которым пытался окружить индейскую автономию официальный Мехико. О сапатистах, о «хороших правительствах», о требованиях индейцев очень скоро узнали в Латинской Америке, США и Канаде, Европе и даже Австралии. Кстати, именно это обстоятельство послужило одной из самых веских причин говорчивости федеральной власти при обсуждении «пакта о взаимном ненападении» между мексиканской армией и повстанцами.

Безусловно, самым громким, самым заметным и ярким шагом в организованной субкоманданте Маркосом информационной кампании стал мирный поход индейцев на Мехико в 2000 году. Индейцы шли с юга к столице, собирая по пути многочисленные толпы сторонников и сочувствующих, которые провожали марш до границ своего города или дальше, к границам штата, или ещё дальше — до самого Мехико. Каждый участвовал в этом марше как мог и сколько мог. Во главе колонны

Команданте Маркос

шёл субкоманданте, окружённый «людьми с обложек и телевизора»: писателями-нобелевскими лауреатами, популярнейшими актёрами, телеведущими, общественными деятелями. Все они своим присутствием гарантировали безопасность и неприкосновенность марша и его лидера. Так они и пришли на главную площадь столицы, Сокало, где собирались несколько сотен тысяч человек.

Когда в столице Мексики происходят акции подобного размаха, весь центр Мехико парализуется — замирает движение на магистралях и боковых улочках, закрываются магазины, прекращаются занятия в школах, пустеют университетские аудитории, в офисах переключают телевизоры на каналы прямой трансляции и забывают о работе...

Вот этому замершему Мехико, этой бурлящей людским половодьем площади сказал тогда субкоманданте Маркос слова, облетевшие мир: «Настало время индейцев!»

«Мексика, мы пришли не для того, чтобы поучать тебя! Мы пришли не для того, чтобы звать тебя к неведомым целям! Мы пришли просить тебя о помощи и поддержке потому, что мы — соль этой земли! Мексика, настало время избавиться от позора прошлых веков! Настало время индейцев!» — так сказал субкоманданте Маркос, и Сокало встретила его слова восторженным рёвом.

Надо заметить, вооружённые восстания индейцев, равно как и попытки создания независимых индейских государств и автономных территорий, предпринимались не только в Мексике. Во всей индейской Латинской Америке с середины XIX века шла постоянная неослабевающая борьба коренных народов за свои права. Накал этой борьбы то затухал, то вспыхивал, но с каждой новой вспышкой языки пламени становились всё выше, всё жарче, всё опаснее. В Эквадоре, Колумбии, Боливии, Перу, Бразилии, Венесуэле индейцы брались за оружие, изгоняли федеральных чиновников, обозначали границы и управляли своими территориями сами.

Разумеется, абсолютное большинство выступлений индейцев подавлялось,

автономные образования ликвидировались, права декларировались, но не реализовывались вообще или реализовывались лишь частично. Однако государства уже не могли, как раньше, делать вид, что ни индейского вопроса, ни самих индейцев не существует, что их требования — бред экзальтированных одиночек. Пятнадцатилетняя эпопея индейской республики в Лакандонской сельве также закончилась, сошла на нет. Сапатистский фронт национального освобождения был распущен, субкоманданте Маркос вышел из подполья, сделался вполне легальной политической фигурой и моментально утратил былою популярность, большинство «хороших правительств» вновь заменили «плохими» муниципалитетами... Словом, всё вроде бы вернулось на круги своя.

Однако именно на период активности FZLN приходится формирование и рост влияния международных индейских организаций на континенте, таких, например, как Андский центр индейских организаций (Coordinadora Andina de Organizaciones Indígenas — CAOI), объединивший народы кечуа, ичва, аймара, мапуче и ещё дюжину других племён, населяющих склоны Анд и равнины Амазонии. Кстати, Эво Моралес, первый за четыреста лет индеец, ставший президентом Боливии, дважды побеждал на выборах благодаря поддержке индейских национальных и международных организаций. Для современной Латинской Америки индеец — президент государства — такое же знамение времени, как для США — афроамериканец в кресле хозяина Белого дома.

Думается, не случайно также Генеральная Ассамблея ООН провозгласила первое Международное десятилетие коренных народов, начиная с 1993 года. Вообще, именно на последние годы XX века и первое десятилетие нынешнего столетия приходится пик внимания ООН к проблемам коренных народов — это и создание в 2000 году Постоянного форума по вопросам коренных народов, и учреждение Международного дня этих народов 9 августа.

Современные «сапатисты»

Рядовые любви

Грустная история про шпионов, влюбленного индейца и девушку по имени Виолетта

Дмитрий ЛИХАНОВ

Специально для «Совершенно Секретно»

- Но виноват ли Хитрая Лиса, что голова его сделана не из камня? Кто дал ему огненную воду? Кто превратил его в низкого человека? Бледнолицые, люди твоего цвета!

- А разве я виновата, что на свете встречаются бессовестные люди с тем же цветом лица, как у меня? - спокойно спросила Кора.

**Джеймс Фенимор Купер.
Последний из Могикан**

Yнас об этой истории почти ничего неизвестно. И это несмотря на то, что 33 года назад приключения сержанта морской пехоты США Клэйтона Лоунтри буквально взбудоражили Соединенные Штаты. Правительство этой сверхдержавы выделило миллионы долларов на обеспечение безопасности своих дипломатических миссий за рубежом. В те дни кто-то сделал на случае с Лоунтри политическую карьеру, а кто-то — наоборот. Одни называли сержанта позором нации, другие считали, что он просто попался в ловко расставленные сети. Даже теперь в деле Клэйтона Лоунтри нет достаточной ясности. Основываясь на информации многочисленных свидетелей и очевидцев, я попытался, по мере сил, восстановить хронологию тех событий.

**ВЕНА. 14 ДЕКАБРЯ
1986 ГОДА.
РЕЗИДЕНЦИЯ ПОСЛА
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
АМЕРИКИ**

Рождественская вечеринка после традиционного «спича» посла вошла, что называется, «в штопор». Поначалу народ гужевался возле столиков со спиртным и закусками, потом рассосался по залу небольшими компаниями, источавшими сигаретный дым, приторную мешанину дорогих духов, сладкий запах томатного кетчупа, брызги шампанского и тяжелый дух «Джони Волкер». Взвизгнул джаз. То тут то там забахали вразнобой хлопушки. Откуда-то с потолка разноцветным дождем сыпало серпантином и конфетти. Черные лакированные ботинки закружили по скользкому паркету, увлекая за собой изящные, тонкокожие, сексапильные туфельки...

За десять месяцев службы в Вене сержант корпуса морских пехотинцев Клэйтон Лоунтри так и не обзавелся приятелями ни среди «бритых затылок», ни тем более среди этих засранцев дипломатов, которые то и дело старались подчеркнуть свое превосходство над «солдатней». Так же было и в Москве, и в Гуантанамо. Сержант вообще плохо сходился с людьми. И тут всему виной, как он понимал, были его собственные комплексы, его индейская кровь.

Однако именно сегодня, в эту чудесную рождественскую ночь, сержанту предстояло унять зов своих диких и непокорных предков. Именно сегодня он должен будет совершить то, о чем думал и чего подсознательно боялся все эти бесконечные

месяцы. Слишком глубоко он увяз в дерьме. Как говорится, по шейку.

Дело было за малым: отпустить тормоза и придавить акселератор. Собственно, он и занимался этим весь вечер. Медленно, рюмка за рюмкой впрыскивал в себя ледяную водку, примораживал мозги, расплетал языки. Оставалось сделать один только шаг. Всего один шаг, после которого уже не развернуться в обратную сторону. Сержант поправил на переносице очки в тонкой золоченой оправе, поставил рюмку со звякнувшими, словно осколки прежней жизни, подтаявшими кусочками льда и, обходя танцующие пары, сквозь хлопушечную канонаду, ливень из серпантина и конфетти двинулся к НЕМУ. О НЕМ совсем недавно говорил сержант «дядя Саша», да и сам сержант очень скоро убедился в том, что этот бесцветный с виду человечек на самом деле работает в ТОМ САМОМ МЕСТЕ.

— У меня серьезные проблемы, сэр, — сказал сержант, приблизившись к резиденту.

— Что за проблемы? — спросил человечек, очевидно, предполагая, что парень просто хлебнул лишнего.

— Это касается моей службы в нашем посольстве в Москве, сэр. У меня были несанкционированные контакты с Советами.

Резидент отставил стакан с выпивкой, взял сержанта за руку и проговорил тихо, чтобы не слышали остальные:

— Выйдем-ка, сынок.

В коридоре он посмотрел на Клэйтона в упор, зрачок в зрачок:

— Дело серьезное, парень. Но прежде всего скажи-ка мне вот что: с кем ты встречался в Москве?

— С человеком по имени Саша. Я думаю, он — агент КГБ.

— Ты кому-нибудь говорил об этом?

— Нет, сэр.

— И еще. Только честно. В этой истории замешана женщина?

— Нет, сэр.

**МОСКВА.
АПРЕЛЬ - СЕНТЯБРЬ
1985 ГОДА. СПАСО-ХАУЗ
- РЕЗИДЕНЦИЯ ПОСЛА
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
АМЕРИКИ**

Четырнадцатого марта 1985 года второй секретарь посольства США Д. Кент направил запрос в Управление делами Дипломатического корпуса (УпДК) следующего содержания:

«Посольство Соединенных Штатов Америки в Москве свидетельствует свое уважение и просит направить на временную работу в резиденцию посла США телефонистку для работы с 8 утра до часу дня с зарплатой 140 рублей».

После всевозможных проверок, муторных согласований и бумажной волокиты УпДК решило направить двадцатичетырехлетнюю выпускницу переводческого факультета Московского государственного педагогического института иностран-

ных языков им. Мориса Тореза Виолетту.

Вета — так ласково называли ее домашние — родилась и выросла на задворках элитарного Ленинского проспекта столицы в стандартной советской «хрущобе». Впрочем, когда-то это убогое жилище с низкими потолками казалось ее родителям сущим раем, где они и намеревались свить себе уютное гнездышко и прожить здесь оставшуюся жизнь без особых излишеств и иллюзий. Однако через пять лет после рождения дочери отец, чиновник одного из московских заводов, ушел из семьи. Воспитанием Веты занимались ее мать и бабушка. Впрочем, мать в неменьшей степени волновали перспективы ее собственной карьеры. Она была энергичной, молодой и эффектной женщиной, склонной не только к точным наукам, но и к творчеству. Впоследствии она дослужится до должности старшего преподавателя кафедры начертательной геометрии одного из технических институтов Москвы, а выйдя на пенсию, откроет частную фирму по производству аксессуаров из кожи. Однако если ее карьера сложилась более или менее удачно, личная жизнь так и не наладилась. В сорокалетнем возрасте она выходит замуж за электрика треста «Строительство набережных и мостов», который на девять лет был моложе своей супруги. Вскором времени в семье появляется вторая дочь, а через семь лет муж скончается.

«У Веты с матерью отношения не складывались, и мать от этого очень страдала, — вспоминает одна из подруг Виолетты. — Что касается отчима, то Вета его вообще не принимала. Между ними то и дело вспыхивали скандалы. Она грубила ему, упрекала мать, что та вышла за него замуж. Может быть, эти скандалы в конечном счете и ускорили его смерть».

С первого по седьмой класс Виолетта училась в школе № 102 по улице Шверника, окруженной потрескавшимися пятиэтажками, винными магазинами, мусорными контейнерами и тошнотворным смогом с Ленинского проспекта. Вместе с Виолеттой учились дети рабочих, официанток, акушерок, уборщиц. В своем классе она, пожалуй, была единственным ребенком из интеллигентной семьи, что, впрочем, совершенно не мешало ей дружить с «ребятами подворотен» — жестокими, но справедливыми.

Большинство учителей, которые работают в 102-й школе сегодня, не знают девочки с редким именем Виолетта. Ее помнит и, скорее всего, никогда не забудет только учительница русского языка. «Виолетта была милым человечком, — вспоминает Регина Алексеевна Семенова, подняв глаза за толстыми линзами очков от школьной тетради. — Она хорошо рисовала, на школьных фотографиях того времени мы с ней всегда вместе. Мы были очень близки друг другу». Однако после того, как Виолетта покинула школу, она даже ни разу не позвонила учительнице, с которой когда-то была так близка.

«В октябре 1974 года вступила в ряды ВЛКСМ, — напишет Виолетта впоследствии в автобиографии для поступления на службу в УпДК. — В 1977 году я окончила школу и в июле того же года поступила на работу в качестве лаборанта в МГПИИ им. М. Тореза. Работая, одновременно училась на курсах английского языка. В 1978 году поступила на I курс вечернего отделения МГПИИ им. М. Тореза. Являлась членом профбюро переводческого факультета, за хорошую работу награждена почетными грамотами и книгами. Сейчас являюсь инспектором I курса переводческого факультета, а также работаю преподавателем-помощником на

курсах английского языка при МГПИИА. К суду и следствию ни я, ни мои ближайшие родственники не привлекались, связи с иностранцами не поддерживали и не поддерживаем».

«Когда мы познакомились,— вспоминает студенческая приятельница Виолетты, — ей было шестнадцать, а мне — восемнадцать лет, но общаться с ней было страшно тяжело. По всей видимости, у нее было очень нехорошее биополе. Доходило до того, что я не могла находиться с ней в одной комнате.

Виолетта казалась мне загадочной личностью. У нее была очень сильная воля, и своего она добивалась любыми путями. Я бы даже сказала, что она — человек без полутона. Любила или ненавидела. Так же относились и к ней. Ее тоже любили, или ненавидели. Но она в своей ненависти была к тому же абсолютно безжалостна. Что касается любви, то для тех, кого она любила, она могла сделать все что угодно.

Мы дружили примерно год, но к себе в душу она меня так и не допустила. Ну что еще? Она была умнейшая девочка. Очень любила Пушкина. Фанатично любила. Носила цветы к его памятнику, переписывала в тетрадь его стихи, знала назубок его биографию.

Ей нравился язык. Причем вначале он давался ей нелегко, но потом, буквально в конце первого курса, благодаря своей усидчивости она добилась хороших результатов. Да, Виолетта — это большая загадка».

Молоденькой девушке практически сразу же после окончания института, после согласований, рекомендаций и утверждений в райкомах комсомола и партии поступить на работу в УпДК, а всего через несколько месяцев подписать контракт с посольством США — об этом можно было только мечтать. Но Виолетта пробилась. Кто помогал ей в этом? Кто делал нужные звонки? Кто подписывал рекомендательные письма? Кто принимал решение направить ее на работу к американцам? Все эти вопросы и по сей день остаются загадкой.

В марте 1985 года Виолетта впервые пришла на свое рабочее место в резиденцию американского посла Спасо-Хауз. Словно попала в некий сверкающий мир, так непохожий на то, что творилось за его высоким забором. Здесь не было вони городских помоек, хмурых, неулыбчивых физиономий сограждан, пьяного трамвайного мата и серых пальто. Вместо этого внимательные лица, кондиционированный воздух, кока-кола — маленький осколок самой настоящей Америки, затерявшийся в московской пыли.

Она почувствовала на себе его взгляд в сентябре. Обернулась. Это был морской пехотинец. Черные брюки. Светлая рубашка с черными «елочками» сережантской нашивки, светлая фуражка, бритый затылок, смуглая кожа, начищенные, как солдатская пряжка, зубы. И этот взгляд. Она ощутила его всей кожей. Как легкое дуновение теплого ветра, запутавшего в стылых лабиринтах осеннего города.

«Это была самая красивая женщина, которую я когда-либо встречал в своей жизни», — вспоминал впоследствии Клэйтон Лоунтри. Через несколько дней, пороюне сбодившись с дежурства, он незаметно вышел из посольства и двинулсь вслед за Виолеттой. По улице Чайковского мимо небольшого скверика на площади Восстания к станции метро «Баррикадная». Здесь, стараясь быть незамеченным, смешался с толпой и спустился в «подземку». В последний момент он успел запрыгнуть в вагон, в который вошла Виолетта. Тут он наконец-то набрался смелости и сквозь толпу протиснулся к ней. «Привет! — сказал он, слегка запинаясь, — Меня зовут Клэйтон. Не возражаешь, если я провожу тебя?» «Привет!» — молвила Виолетта. И улыбнулась в ответ.

МОСКВА. НОЯБРЬ 1985 ГОДА. ТЕКСТИЛЬЩИКИ

Жизнь Клэйтона Лоунтри до поступления в корпус морской пехоты мало чем отличалась от жизни остальных американцев коренного происхождения. Его родители познакомились в 1961 году в Индейском

**Клэйтон Лоунтри
или Клэйтон Одиночное Дерево**

сестрой и матерью перед тем, как поступить в морскую пехоту.

Нэнси Снайдер было пятнадцать лет, когда она встретила Клэйтона Лоунтри. Она приехала в резервацию индейцев навахо, чтобы навестить свою сестру, которая работала здесь воспитателем. «Мы гуляли по окрестным лесам, держась за руки, — вспоминает Нэнси, — и мечтали о том дне, когда сможем навсегда убежать от своих родителей». А однажды Лоунтри объяснил Нэнси, почему она ему нравится. Оказалось, все дело в светлых волосах девушки. «Как у настоящей арийки!» — воскликнул Клэйтон. А когда он узнал, что Нэнси родилась 20 апреля, в день рождения фюрера, его восхищению не было предела.

Перед тем как уехать, Клэйтон договорился с Нэнси, что она, окончив школу, сразу же выйдет за него замуж.

В 1984 году Лоунтри написал заявление о приеме в элитарную школу морской пехоты в Куантико, однако не выдержал вступительных экзаменов. Тогда его отец отправил письмо сенатору Руди Бошвичу, упрашивая оказать протекцию сыну. «Семья Лоунтри, — доказывал он, — имеет давние военные традиции. Двоюродный дедушка Клэйтона — Митчел Красная Туча — получил медаль за героизм, проявленный на войне в Корее, два его дяди воевали во Вьетнаме, и не может быть, чтобы Клэйтона завалили на экзамене из-за того, что он представитель коренного населения Америки».

Руководство школы еще раз протестировало Лоунтри. На сей раз ему повезло. И после окончания школы его отправили служить в Москву.

Москва показалась Клэйтону холодным и неуютным городом. Сотрудники посольства вели себя надменно. Несколько незамужних девушек время от времени назначали «быдлу» из морской пехоты редкие свидания. Казармы были грязными и ветхими. Однажды как-то пехотинцы тридцать дней просидели без горячей воды. Да и вообще, по сравнению с остальным персоналом пехотинцы чувствовали себя людьми второго сорта.

Лоунтри страдал от одиночества. Он написал письмо Нэнси Снайдер, но она уже вышла замуж за другого парня. Несколько раз он встречался с одной ирландской, но, как говорится, безрезульятно.

Нечаянное знакомство с Виолеттой,казалось, прорвало ту полосу отчуждения, в которой существовал Клэйтон все последние месяцы своей московской жизни. Да и сама жизнь обрела для него теперь совершенно особый, ни с чем не сравнимый смысл. Он влюбился.

По заведенной традиции в ноябре посольство устраивало для морских пехотинцев торжественный бал. Никто не удивился, а тем более не был шокирован, когда «скромнига» Лоунтри появился на нем в сопровождении русской брюнетки с тонкими, упрямыми губами. Собственно, никто из пехотинцев особенно не скрывал своих сексуальных приключений на стороне, но вместе с тем и не бежал докладывать о них начальству, как этого требовало правило. А оно гласило: о любом несанкционированном контакте с советскими и гражданами из стран Восточного блока немедленно сообщать офицеру безопасности. Впрочем, это правило то и дело нарушали не только морские пехотинцы.

культурном центре в Чикаго, где будущий отец Клэйтона Спенсер, которому в то время было 19 лет, работал директором молодежных программ. Его мать Сэлли Тосси, которой исполнилось шестнадцать, только что приехала из резервации, расположенной в Северной Аризоне, где ее родители зарабатывали на жизнь выпасом овец. Вскоре Тосси родила Клэйтона. С самого начала отношения в семье Лоунтри складывались очень непросто. В то время Спенсер искал работу в качестве певца и исполнителя национальных индейских танцев, его семья вместе с родителями по финансовым соображениям была вынуждена пере-ехать в маленький городок Висконсин. Через два года Тосси родила еще одного сына, которого назвали Крейг. Однако вскоре она и ее муж решили расстаться.

Вместе с сыновьями Тосси отправляется в Фармингтон (Нью-Мексико), где просит основателя Миссии Навахо Джека оказать ей какую-нибудь помощь. «Сэлли сказала нам, что беременна, — вспоминает Дрейк. — Мы взяли ее к себе и предоставили работу поварихи».

Тем временем Тосси родила девочку. Ее назвали Валерия. Мать записала ее под фамилией Лоунтри, хотя бывший муж и утверждал, что этот ребенок не от него.

Пять лет спустя сыновья Сэлли впервые покинули резервацию: Спенсер Лоунтри пригласил их в Сент-Поул на рождественские праздники. Однако на следующий день после того, как дети приехали в город, он, решив оставить их у себя, нанял адвоката и пригрозил жене судебным преследованием.

Жизнь с отцом оказалась сущим наказанием. Он установил над детьми жесткий контроль буквально во всем. «Я усаживал их перед собой и объяснял, как и что следует делать. Вот так нужно стирать, так готовить пищу, убираться, — вспоминает Спенсер, — каждый вечер я заставлял их смотреть по телевизору новости. Я учил детей жить в мире белых. Это верно, что я жестко воспитывал их. Я внушал Клэйтону, что в будущем он должен стать американским сенатором. И не чувствовать себя индейцем в этой стране».

Однако в Джонсоновской высшей школе в Сент-Поуле Клэйтон Лоунтри наконец понял, что он никогда не будет первым и не станет американским сенатором.

И тогда он нашел для себя своеобразный выход — Адольф Гитлер и история Третьего Рейха. Учительница Джун Дейл первой забила тревогу, когда однажды обнаружила изрисованную свастиками тетрадку Клэйтона с телефонами и именами членов городских нацистских группировок. Джун рассказала о своей находке классному руководителю, но тот отшутился, назвав все это подростковыми фантазиями.

В 1980 году, еще не окончив школу, Лоунтри написал заявление с просьбой принять его в корпус морской пехоты. По мнению отца, служба в армии могла впоследствии значительно облегчить политическую карьеру сына.

После окончания школы Лоунтри отправился на юг, чтобы увидеться с

Это был замечательный бал. Забывшись в танце, весь вечер кружился Клэйтон с Виолеттой по шумному залу резиденции, украшенной живыми цветами и национальными флагами Соединенных Штатов. Весь вечер он почти ничего не пил, так как просто опасался «сломаться». Весь вечер он смотрел на ее казавшееся таким прекрасным лицо, и запах «Диориссимо» кружил ему голову без вина.

По дороге домой Виолетта вдруг сказала задумчиво: «Знаешь, мне очень хорошо с тобой. Только я одного боюсь. Вдруг за нами следит КГБ. Тогда я могу потерять работу. Мы не сможем встречаться. Мама тоже боится этого. Ведь она к тому же — еврейка».

КГБ?! Клэйтон был в шоке. До сих пор он слышал это слово только от школьных преподавателей и назидательного начальства, это слово произносили герои крутых голливудских боевиков и романов в мягких обложках. Теперь он услышал его от Виолетты, и, может быть, в первый раз «КГБ» прозвучало для него как никого серьезно и угрожающе. «Я начал использовать технику против незаметно покидать посольство и бывать у Виолетты, — вспоминал он через год с небольшим. — Эта техника заключалась в том, что я пересаживался на разные маршруты автобусов, меняя одежду — в общем, путал следы».

Однако седьмое управление КГБ, или, как его еще называют на профессиональном жаргоне, «наружка», со своих тайных постов вокруг посольства Соединенных Штатов уже давно «засекло» странного молодого человека, «путавшего следы» на маршруте от улицы Чайковского до Текстильщиков. И только посмеивалось над его доморощенной «техникой».

МОСКВА. НОЯБРЬ 1985 ГОДА. КГБ. 1-Й ОТДЕЛ КОНТРАЗВЕДКИ

Сообщение «наружки» об экскурсиях Лоунтри в район Текстильщиков попало в руки молодому сотруднику первого отдела контрразведки по имени Слава. Слава пришел сюда сравнительно недавно, сразу же после окончания Высшей школы КГБ, где распределение в первый отдел считалось большой удачей: ведь именно здесь проходила передовая борьба с противником, именно отсюда координировалась работа по противодействию ЦРУ на всей территории Союза.

В тот же день, когда Слава получил задокументированную информацию агентов седьмого управления, он направился в кабинет своего шефа — Рэма Красильникова, возглавлявшего отдел на протяжении последних десяти лет. Рэм Сергеевич — жилистый пятидесятивосьмилетний генерал госбезопасности — в те дни выглядел как никогда бодро. Осенью 85-го, после того как офицер советской внешней разведки Виталий Юрченко «заложил» американцам нашего агента в ЦРУ Эдварда Ли Говарда, тот, в свою очередь, когда его срочным порядком вывезли в Москву, выдал контрразведке московского инженера Адольфа Толкачева, которого сами американцы называли шпионом номер один, Красильников, да и все, кто стоял выше его по служебной лестнице, расценивали арест Толкачева как сокрушительный удар по «цэрушникам», хотя, конечно же, если бы не Говард, Толкачев торговал бы секретами советских систем ПВО еще не один месяц.

Красильников воспринял сообщение своего молодого сотрудника без особого энтузиазма. Действительно, после захвата шпиона номер один какой-то морской пехотинец из американского посольства, даже при самом удачном стечении обстоятельств, что называется, не тот улов. Ведь этих ребят с бритыми затылками, как правило, к большим секретам не допускают. Максимум — отдежурить на входе в спецзону, где располагается резиденция ЦРУ. Но дальше — ни на шаг. Впрочем, вот так, с ходу, осаживать новичка ему тоже не хотелось. «Ну что ж, Слава, посмотри, попробуй. Может, у тебя и получится».

Буквально на следующий день Слава знал о Виолетте почти все. Где работает,

чем занимается, кто ее родители, где она живет и номер домашнего телефона. Снял телефонную трубку и набрал семь цифр.

— Это Виолетта? — спросил как можно дружелюбнее — Вас беспокоят из комитета государственной безопасности. Могли бы мы встретиться? Ну, например, завтра с утра.

— Да, конечно... я приду, — ее голос дрогнул совсем чуть-чуть, но и этого было достаточно, чтобы Слава понял: Виолетта придет точно в назначенное время.

Назавтра она уже сидела перед ним в одной из многочисленных казенных комнушек приемной КГБ СССР. На Виолетте был строгий деловой костюм, тлеющая сигарета в одной руке и легкий трепет — в другой.

— Думаю, вы уже догадались, в чем дело, — начал Слава. — Нам стало известно о ваших встречах с одним из сотрудников американского посольства. Не скрою, нас, конечно же, в первую очередь волнует безопасность государства, но и ваша личная безопасность нам небезразлична. Ведь мы же с вами не знаем его намерений.

— Я понимаю, — ответила Виолетта, — мне и самой неясно, чего он за мной увязался. Но ведь не могу же я запретить провожать меня домой.

— А этого и не требуется. Давайте так. Мы вам поможем, но и вы должны будете оказать нам кое-какие услуги. Не переживайте. В этом нет ничего опасного. Просто рассказывайте о том, что у вас с ним происходит. Согласны?

Виолетта кивнула.

— Значит, договорились, — продолжал Слава. — И вот еще что. Если между вами завяжется нечто серьезное, если вы в один прекрасный день решите связать с ним свою судьбу и скажете: ша, ребята, я в эти игры не играю, мы сразу же уйдем в сторону. Даю честное слово.

— Да нет, — проговорила Виолетта, — ни о чем серьезном не может быть и речи.

— Ну и прекрасно, — впервые за время всего разговора улыбнулся Слава. — Ваш телефон у меня есть. Запишите мой и, если что, сразу же звоните. Кстати, надеюсь, вам не надо объяснять, почему этот разговор должен оставаться между нами?

Когда Виолетта ушла, Слава с удовольствием закурил ароматную сигарету: ну что ж, мадам сдалась без боя.

В тот же день доклад о приобретении «доверенного лица» КГБ уже лежал на столе Красильникова.

МОСКВА. ЯНВАРЬ 1986 ГОДА. ТЕКСТИЛЬЩИКИ. КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА КГБ

Но прежде чем Виолетта вновь встретилась с Клейтоном Лоунтри, тот укатил в Женеву — молодой морской пехотинец несколько дней состоял в специальной охране президента США Рональда Рейгана и госсекретаря Шульца. Здесь, в Женеве, зная, что Виолетта большая поклонница западной моды, он купил ей последний номер журнала «Glamour» и с этим скромным подарком в руках, лишь только вернулся в Москву, заявился домой к своей подруге.

Реальность советского бытия в тот вечер шокировала Лоунтри, пожалуй, сильнее обычного. Он даже представить себе не мог, что его умная, обаятельная, красивая девушка живет в этакой дыре: без лифта, в крохотной квартире с такими тонкими стенами, что за ними слышалась ругань соседей.

Через несколько дней американский сержант и «доверенное лицо» советской госбезопасности наконец остались в этой квартире совсем одни. По словам Лоунтри, им удалось встретиться наедине еще три раза. Виолетта же утверждала, что в своих отношениях с сержантом, она никогда не переступала «той самой черты».

Так или иначе, привязанность Клейтона к своей возлюбленной росла с каждым днем. Он чувствовал, что становится другим, что он — одинокий — теперь хоть кому-то нужен, что в этом застывшем городе, на этой оледенелой земле есть хотя бы один человек, который думает о нем и, может быть, любит. Он, вконец осатаневший от казенного запаха казармы, солдат-

ских скабрезностей, ночного храпа, надменных физиономий «белых воротничков» и похотливых взглядов их жен, нашел теперь то, что, казалось, искал всю жизнь: любовь, спокойствие и заботу. За эти ценности он готов был драться до последнего. И жертвовать чем угодно.

Как любая женщина, Виолетта чувствовала или, во всяком случае, понимала, что творилось в душе Лоунтри. Теперь она знала почти наверняка: он не сможет ей ни в чем отказать.

Тем временем КГБ подключил все свои возможности, чтобы проверить «доверенное лицо». За встречами Лоунтри и Виолетты зорко следили агенты «наружки», а домашний телефон девушки был поставлен на прослушивание. Все разговоры с сержантом записывались на магнитофон. И только после этого контрразведка пришла к выводу: Клейтона можно выводить на вербовку. В один из студеных дней Слава позвонил Виолетте и предложил встретиться в номере одной из московских гостиниц. Здесь кроме Славы ее поджидал приятный молодой человек. «Нам нужно свести его с Лоунтри, — проговорил Слава после недолгого предисловия, — ну хотя бы под видом твоего дядюшки».

Когда она сообщила сержанту об этом, Клейтон удивленно вскинул брови.

— Понимаешь, — принялась объяснять Виолетта, — просто я рассказала ему о тебе и он очень заинтересовался. Он в восторге от того, что ты из глубинки, знаешь жизнь резервации. Кроме того, мой дядя юрист, и, если вдруг мы надумаем пожениться, он сможет оказать нам необходимое содействие...

— Хорошо, — согласился Лоунтри, — нет проблем. Я с ним, конечно же, встречусь.

На следующий день, поймав такси, они

добрались до какого-то занюханного микрорайона, а потом целый квартал топали пешком, а там еще — по обхарканной лестнице, покуда наконец не остановились перед дерматиновой дверью.

«Дядя Саша» оказался довольно приятным и дружелюбным малым тридцати с небольшим лет. У него была небольшая, однако уютная, свежеотремонтированная квартира с коврами на паркетном полу и симпатичными картинками на стенах. «Саша» весело расспрашивал Лоунтри о его житье-бытье в Соединенных Штатах, о том, как тамошние начальники притесняют коренные национальности, да о Советском Союзе — мол, нравится или как? Говорил «дядя Саша» по-русски, держался свободно, будто на пляже, а из-под рубашки вовсе не выпирали комитетские погоны. «Классный парень», — подумал Клейтон. И был прав: дядюшка и в самом деле классно знал свое дело.

И все же какое-то неосознанное беспокойство, словно червь, непрестанно вгрызалось в его сознание: зачем была нужна эта встреча? Почему Виолетта так настаивала на ней? Что будет потом? Что хочет от него «дядя Саша»? И наконец, самое главное, о чем он даже боялся подумать.

Через пару недель после очередной встречи с «Сашей», на которой тот пытался завести разговор об американском посольстве, Клейтона впервые посетило сомнение. Возвращаясь из «гостей», сержант месил московскую снежную кашу, молчал, угрюмо глядя себе под ноги. Виолетта шла рядом.

— Что-нибудь не так, милый? — спросила она, когда они подошли к виолеттиной пятиэтажке. — Тебе не понравился Саша?

— Да нет, — молвил Клейтон, — он симпатяга. Только... только я вот о чем хотел

бы спросить... Ты абсолютно уверена, что твой дядя не сотрудничает с КГБ? Виолетта громко рассмеялась в ответ:

— Саша? С КГБ? Да бог с тобой! Он всегда лишь брат моей мамы. И никогда не был связан с этим заведением. И, кроме того, дорогой, я ведь не спрашиваю, не связан ли ты с ЦРУ.

— Конечно, — согласился сержант, — и все-таки...

— Может быть, ты поднимешься? — Она коснулась ладошкой его щеки. — Я сегодня одна.

МОСКВА. ФЕВРАЛЬ-МАРТ 1986 ГОДА. ПОСОЛЬСТВО США

Лишь только за Лоунтри захлопнулась входная дверь, Виолетта подошла к телефону и набрала номер Лубянки.

— Нам нужно встретиться. — Это срочно, — скороговоркой выпалила в трубку.

— Не суетись. — Голос Славы — как ушат холодной воды. — Главное, не суетись, и все будет о'кей. Я сам перезвоню тебе через некоторое время.

Утром следующего дня на оперативном совещании у генерала Красильникова Слава доложил о подозрениях своего «доверенного лица». Здесь же перебрали несколько вариантов дальнейших действий, и, в конце концов, остановились на том, что теперь необходимо играть в открытую. Все без исключения были уверены: после вербовки Лоунтри не пойдет к офицеру безопасности посольства с повинной. Ему были дороги, во-первых, собственная карьера и, во-вторых, свобода. Если он признается, что встречался с агентом КГБ, то наверняка лишится и того, и другого, и третьего. Вместе с тем понимали они и другое: Лоунтри — совсем не то, что требует от них начальство, что он — всего лишь пешка в глобальном шпионском турнире, разыгрываемом КГБ и ЦРУ. Этот человек, полагали они, не принесет важной информации прямо сегодня, мало того, его расовая принадлежность, чрезмерная эмоциональность и патологическое пристрастие к алкоголю не давали возможности надеяться на то, что он сможет занять высокие должности в Штатах и давать эту информацию впоследствии. Однако отказаться от такой вербовки они тоже не могли. Вернее так: не хотели. Лоунтри был нужен КГБ про запас, на всякий случай. Так что теперь оставалось подцепить его на крючок. А с подсечкой можно не торопиться.

На следующей встрече в феврале «дядя Саша», как и уговорились в отделе заранее, предпринял наступление. В этот раз он уже довольно, бегло говорил по-английски, был подтянут, собран и вовсе не напоминал того «свойского парня», каким предстал перед сержантом на прошлой встрече.

— Слушай, Клейтон, — медленно произнес «дядя Саша». — Если ты и в самом деле решил сюда вернуться и... может быть, даже остаться, есть люди, которые готовы в этом помочь. Но, сам понимаешь, они тебя совершенно не знают. Они не уверены в том, хорошо ли ты относишься к Советскому Союзу, готов ли ты по мере сил способствовать нормализации отношений между двумя нашими странами, да и вообще — можно ли тебе доверять.

Он сознательно не произнес ошпаривающей комитетской аббревиатуры, оставляя для совести Лоунтри своеобразный нравственный люфт: всегда можно сказать, что не ведал, кому помогал, — просто людям.

— Виолетта говорила о тебе много добрых слов, — продолжал затем «дядя Саша», — да я и сам вижу, что ты хороший, настоящий парень. Только ведь моих слов мало. Ты сам на деле должен убедить наших друзей в своих добрых намерениях. И тогда, это я обещаю, все твои страхи уйдут в прошлое. Виолетта будет с тобой, а о наших разговорах никто и никогда не узнает.

— И что я должен сделать?

— Ты знаешь людей из ЦРУ, которые работают в посольстве?

— Нет, — сорвал Лоунтри. Он несколько раз стоял в спецзоне и видел всех, кто входил и выходил из резидентуры.

Вопросы сыпались один за другим без перерыва. Время от времени «дядя Саша» что-то записывал в свой блокнот и вновь спрашивал, спрашивал, спрашивал. В конце он попросил сержанта достать план посольства, включая шифровальную комнату. Затем, прихлебывая холодное пиво, он разложил на столе несколько фотографий и попросил Клэйтона показать, кто из этих людей работает на ЦРУ.

— Я не знаю, — ответил Лоунтри. — Ведь они такие засекреченные.

— Может, они и засекреченные, — ответил «дядя Саша», — однако мне нужно узнать, кто они. Сделай это, пожалуйста, до того, как покинешь Москву.

«Я согласился, потому что боялся потерять Виолетту», — объяснял впоследствии Клэйтон свое решение сотрудничать с КГБ. Однако не только поэтому. «Лоунтри казалось, что все происходящее — очередная серия фильмов о Джеймсе Бонде, — считает один из следователей по его делу, — а он играет в этом фильме главную роль».

«Им все известно, — ошалело соображал сержант, возвращаясь на службу в посольство, — и агенты резидентуры, и то, что меня переводят в Австрию, никуда не деться от них, никуда».

10 марта 1986 года восемнадцатимесячная служба Клэйтона Лоунтри в Москве подошла к концу. К тому времени Виолетта, чтобы не привлекать излишнего внимания, уже уволилась из американского посольства и через УпДК устроилась работать переводчицей в другое диппредставительство. А на Лубянке, в первом отделе контрразведки полным ходом готовились к отъезду сержанта. После долгих переговоров с ПГУ тамошнее начальство наконец удалось убедить в том, чтобы на связь с Лоунтри поначалу продолжал выходить «дядя Саша», а не венская резидентура разведки. Для этих целей ему изготовили подложные документы на имя Алексея Ефимова, познакомили с картой Вены, на которой указали места, где лучше и удобнее встречаться с агентами, провели соответствующий инструктаж.

Накануне своего отъезда Клэйтон вновь встретился с «дядей Сашей» на конспиративной квартире госбезопасности. «Дядюшка» разложил на столе план горсуда и ткнул фломастером неподалеку от здания Венской оперы. «Мы встретимся с тобой вот в этом месте. Утром в воскресенье. Ты сможешь позвонить Виолетте из Вены только один раз. И не пиши ей писем. Это небезопасно. Когда ты вернешься в Москву, мы встретимся вновь».

Проститься с Виолеттой было тяжелее всего. За те шесть месяцев, которые они провели вместе, он так привык к этой женщине: к дурманному запаху ее духов и тела, ее влажным губам и сухим ладощкам, что даже представить, себе не мог мгновения разлуки, того мгновения, когда он захлопнет за собой дверь.

«Ты обещаешь, что будешь ждать меня?» — спросил сержант на прощание.

Когда Клэйтон ушел, «дядя Саша» задумчиво спросил Виолетту:

— Может быть, все это действительно серьезно... Ты так не думаешь?

— Все в порядке, — ответила она, резко отвернувшись к окну. — Я всегда относилась к нему как к младшему брату. Жалко его было...

ВЕНА. ИЮНЬ 1986 ГОДА. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЕРНЫЙ ТЕАТР

По дороге в Австрию Клэйтон на несколько дней заехал во Франкфурт. Здесь он целыми днями валялся на кровати в гостинице и читал шпионские романы, а вечерами шел в какой-нибудь бар и, стараясь обезболить садящую память, напивался почти до беспамятства.

Морские пехотинцы из охраны американской миссии в Вене сразу же прозвали Лоунтри «Бегущим медведем» за то, что каждое утро он надевал свои тяжелые солдатские ботинки и бегал пять миль по окрестным холмам. В свободное от службы время он изучал австрийскую историю и брал уроки немецкого. Вскоре он познакомился с молодым австрийцем по имени Ян Августин и его веселой под-

ружкой. Теперь они напивались втроем. Так минула весна, а в начале июня, подойдя к зданию Венской оперы, Клэйтон увидел знакомую фигуру «дяди Саши». Тот быстрым шагом пересек улицу и крепко обнял сержанта: «Не беспокойся. Все будет в порядке. Виолетта шлет тебе привет. Я привез от нее письмо. Возьми. Встретимся вечером».

Вечером они отправились поужинать в один из чудных венских ресторанчиков. «Мы, кажется, скоро станем одной семьей», — сказал «дядя Саша» мимоходом. За сочным шницелем из телятины и бутылкой сухого вина время пролетело незаметно. «Дядя Саша» рассказывал Клэйтону о московской жизни, о том, как скучает там Виолетта, вспоминая свое собственное детство, рыбалку на тихой речке... Они разговаривали словно старые друзья после долгой разлуки, и ощущение товарищества все сильнее захлестывало сержанта. «Я знаю, что Саша и вправду относится ко мне как к другу», — скажет он журналистам несколько месяцев спустя.

На следующий день во время ленча «дядя Саша» положил перед Клэйтоном тысячу долларов в австрийской валюте.

— Я не возьму, — отшатнулся Лоунтри.

Старое здание американского посольства на Новинском бульваре

— Если ты не возьмешь, то очень меня обидишь. Бери же! Купиши Виолетте какую-нибудь безделушку.

Наивный! Сразу же после ленча он и впрямь помчался в супермаркет, где потратил все деньги на платье для Виолетты, рубашку и галстук для «Саши».

«Дядюшка» приезжал в Вену еще дважды: в сентябре и декабре восемидесят шестого. За это время, по данным американской военной контрразведки, Клэйтон Лоунтри передал ему всего лишь несколько фотографий некоторых сотрудников венской резидентуры ЦРУ, поэтажный план миссии да старую телефонную книгу посольства, которую захватил мимоходом из мусорного ведра. За все про все «Саша» заплатил Клэйтону две тысячи восемьсот долларов — гораздо меньше, нежели сержант получал на своей основной работе, да к тому же почти весь гонорар Лоунтри потратил на подарки своим московским друзьям. Собственно, этим и ограничивалась весь шпионаж морского пехотинца в пользу СССР.

Незадолго до рождественских праздников «дядя Саша» объявился в Вене расстроенный и угрюмый. К сожалению, он не мог рассказать Клэйтону о том, что болваны из ПГУ в конце концов додавили генерала Красильникова, и тот был вынужден отдать «Сашиного» агента на связь с венской резидентурой. Не мог он сказать и того, что они теперь никогда не увидятся.

На последнюю встречу с сержантом «Саша» пришел не один. Вслед за ним топал Юрий Лысов — человек из венской резидентуры ПГУ. Его холодный, немигающий взгляд, тяжелая челюсть и солдатофонские манеры полностью соответствовали расхожему стереотипу об агенте КГБ. Пожав его крепкую, как тиски, руку,

Клэйтон почувствовал, как в него мокнатым зверем вселяется дикий, безотчетный страх, что еще мгновение — и его сведет судорога. Воссав в себя кофе со сливками, Юрий назначил следующую встречу с сержантом на семь часов вечера 26 декабря в церкви Святого Венцеслава, протянул бумажку с адресом и отвалил по своим делам. Следом поднялся и «Саша». В последний раз обняв Клэйтона, прошептал на ухо: «Что бы ни случилось, никогда не играй с этим типом». И ушел. В холодную солнечную зыбь утра.

Но страх не отпускал Лоунтри. Теперь он и сам понял, что, скорее всего, никогда не увидит ни «Сашу», ни Виолетту, что теперь ему придется встречаться с этим сумрачным типом, которого он совсем не знает, и служить ему. И делать то, что он прикажет. Словно «шестерка», словно вокальная потаскуха.

Клэйтон заказал еще водки и так просидел в кафе почти до полудня. С того дня он пил не просыхая. Однажды его застал за этим делом сержант Даррел Эндерлин и предложил пройти курс лечения в группе анонимных алкоголиков. В ответ Лоунтри расплакался, как ребенок.

Каспар Уайнбергер — министр обороны США

В те дни правительство и сенат были близки к состоянию нервного срыва. Подразделение морских пехотинцев в Москве, состоявшее из 28 человек, срочным порядком было отзвано на родину, а вновь прибывшим строжайшим образом запретили покидать территорию посольства. Госдепартамент выделил 30 миллионов долларов на усиление системы безопасности американской дипломатической миссии в столице СССР, а министр обороны США Каспар Уайнбергер выступил с заявлением, в котором сравнил ущерб от действий пехотинцев с захватом американского посольства в Тегеране.

Однако во время суда многие обвинения против Лоунтри и его подельников отпали как необоснованные. В ходе заседаний адвокатам удалось доказать, что пехотинцы не допускали агентов КГБ в

здание американского посольства, не передавали им 120 совершенно секретных документов, касающихся позиции США на переговорах по сокращению вооружений, а показания товарищей Лоунтри вообще оказались сфабрикованными сотрудниками военной контрразведки.

И тем не менее 27 января 1987 года суд признал бывшего сержанта морской пехоты США Клэйтона Лоунтри виновным в сотрудничестве с советскими спецслужбами и приговорил его к тридцати годам тюрьмы для военных преступников. В тот год сержанту было всего двадцать пять лет.

...Узнав о случившемся от Славы и «дяди Саши», Виолетта несколько месяцев пребывала в депрессии и даже потихоньку прикладывалась к спиртному.

Мало-помалу жизнь наладилась. Она устроилась работать в крупную европейскую фирму, потом уволилась и теперь в совместном предприятии. Временами она перезванивается со Славой, временами они встречаются и Слава дарит ей купленные на «профкомовские» деньги цветы. Каждый вечер Виолетта едет домой на метро, а потом на автобусе и еще пешком. Едет без всякого удовольствия, потому как там ее ждут только сестра и мама да холода и одинокая постель. Виолетте уже за тридцать.

P. S. Вот, собственно, и вся история о морском пехотинце Клэйтоне Лоунтри и его любимой по имени Виолетта. Вольно или невольно — чего уж сейчас судить — соприкоснувшись со шпионажем, решив поначалу, что это какая-то захватывающая игра, оба они в конце концов оказались глубоко несчастными, оба поломали друг другу всю оставшуюся жизнь. Что ж, Бог им судья. Однако в этой истории сыграли свою роль и жесткие государственные механизмы, бросившие в топку «холодной войны» чувства двух совсем молодых, а стало быть, и наивных людей.

«Я не хочу ничего вспоминать. Все это было так давно», — сказала мне по телефону Виолетта. Сказала, скорее, самой себе. Пытаясь саму себя обмануть. Вдруг голос ее отаял: «Как он там?» Так спрашивают только о тех, кого любят. Или о тех, перед кем испытывают чувство бесконечной вины.

«Он любит ее», — передали мои друзья из Вашингтона слова адвоката, который представлял интересы Клэйтона в апелляционном суде.

И если бы вдруг мне пришлось в этом суде выступать, я бы сказал присяжным то, что они сами должны понимать: «Время «холодной войны» прошло, а люди мучаются. Никакие они не шпионы. Просто вляпались в дермо, которое мы с вами же повсюду и наложили. Кроме того, я глубоко убежден, что любовь — смягчающее вину обстоятельство. Как и аффект. Так отпустите их с Богом. Тем более что ни ЦРУ, ни КГБ они теперь не нужны. И пусть встретятся где хотят. Пусть целуются, ругаются, мирятся. В конце концов это их дело. Мы с вами тут ни при чем».

КИЛЛЕРЫ на госслужбе

Михаил КАРПОВ

Специально для «Совершенно Секретно»

В один из сентябрьских дней в бранденбургском Райнсберге у дверей фирмы «Марина Вольс-брух», сдающей напрокат лодки, разыгралось «маски-шоу».

Вофис заглянул хорошо одетый молодой человек и поинтересовался, не принадлежит ли кому-то из сотрудников бежевый «трабант» на близлежащей стоянке. Он-де случайно чуть задел машину, когда ставил свой автомобиль. Пятидесятитрехлетний работник фирмы Юрген Г. вышел взглянуть, что случилось. Едва перешагнув порог входной двери, он очутился на асфальте. Бойцы спецгруппы Федерального криминального ведомства (БКА) – в масках, бронежилетах и прочей амуниции – защелкнули у него на руках стальные браслеты и заклеили глаза клейкой лентой. Не успевшего опомниться Юргена Г. усадили в черный лимузин, и машина рванулась с места.

Провести эту акцию руководство БКА заставили весьма неординарные обстоятельства. Речь шла о задержании человека, который, по достоверным сведениям, был профессиональным киллером, занимавшимся заказными убийствами по приказам министерства госбезопасности ГДР («Штази»).

Котлетка с крысиным ядом

Обвинения в организации политических убийств выдвигались против «Штази» давно, но многие немцы относили их скорее к области теорий. Впрочем, данные о том, что режим Хонеккера в случае необходимости физически устранил своих врагов, имеются во внутренних материалах «Штази». Их время от времени предает гласности комиссия под руководством Марианны Бритлер, занимающаяся обработкой документов МГБ ГДР. Так, комиссия обнаружила приказ министра Мильке от 1963 года. В документе содержится распоряжение о создании секрет-

ных групп, в чью задачу входила организация саботажа против ФРГ. Сообщалось также о подборе для этих целей и обучении доверенных кадров из подразделений «Штази». Доказана причастность агентов МГБ ГДР к покушению в 1981 году на Вольфганга Вельша – известного организатора побегов из ГДР. Его пытались отравить котлеткой, заправленной крысиным ядом, но Вельшу удалось выжить. Агент «Штази», готовивший смертоносное блюдо, был впоследствии изобличен и приговорен в 1994 году к шести с половиной годам тюрьмы.

Подготовкой «чекистских» боевиков

**Вверху: возведение Берлинской стены.
20 ноября 1961 года.**

занималась рабочая группа AGM/S МГБ ГДР. Эти команды, как подтверждала бывшие сотрудники Штази, планировали проведение «спецмероприятий» в военных и гражданских учреждениях ФРГ.

За год до падения стены AGM/S превратилась в подразделение, которое в случае обострения обстановки должно было проводить теракты. По имеющимся сведениям, его боевиков оснастили – кроме штатного оружия – гранатами, снайперскими винтовками, ручными пулеметами и даже минометами.

На след Юргена Г. БКА напало в 2000 году благодаря информации от бывшего офицера «Штази», поведавшего, как в порыве откровенности Г. признался ему, что в прошлом был заказным убийцей. Делом занялся опытный следователь Федеральной прокуратуры, которому удалось добиться разрешения на слежку и прослушивание телефонных переговоров подозреваемого.

Наконец, БКА подоспало к Юргену Г. своего сотрудника, сыгравшего роль агента ЦРУ. Он якобы подыскивал исполнителя «особых» заказов, обладающего опытом бесследной ликвидации людей. Юрген Г. посвятил розыскника в такие подробности своей карьеры (они зафиксированы в магнитофонной записи), что их вкупе с результатами прослушки и слежки с лихвой хватило для выдачи ордера на арест.

Из информации, собранной БКА, следовало, что с 1976 по 1987 год подозреваемый, по его собственному признанию, застрелил 27 человек. Одна из его подружек показала, что несколько лет назад обнаружила в его квартире пистолет. Другая засвидетельствовала, что в 1993 году он со своим бывшим коллегой выезжал в Италию, чтобы снять деньги с

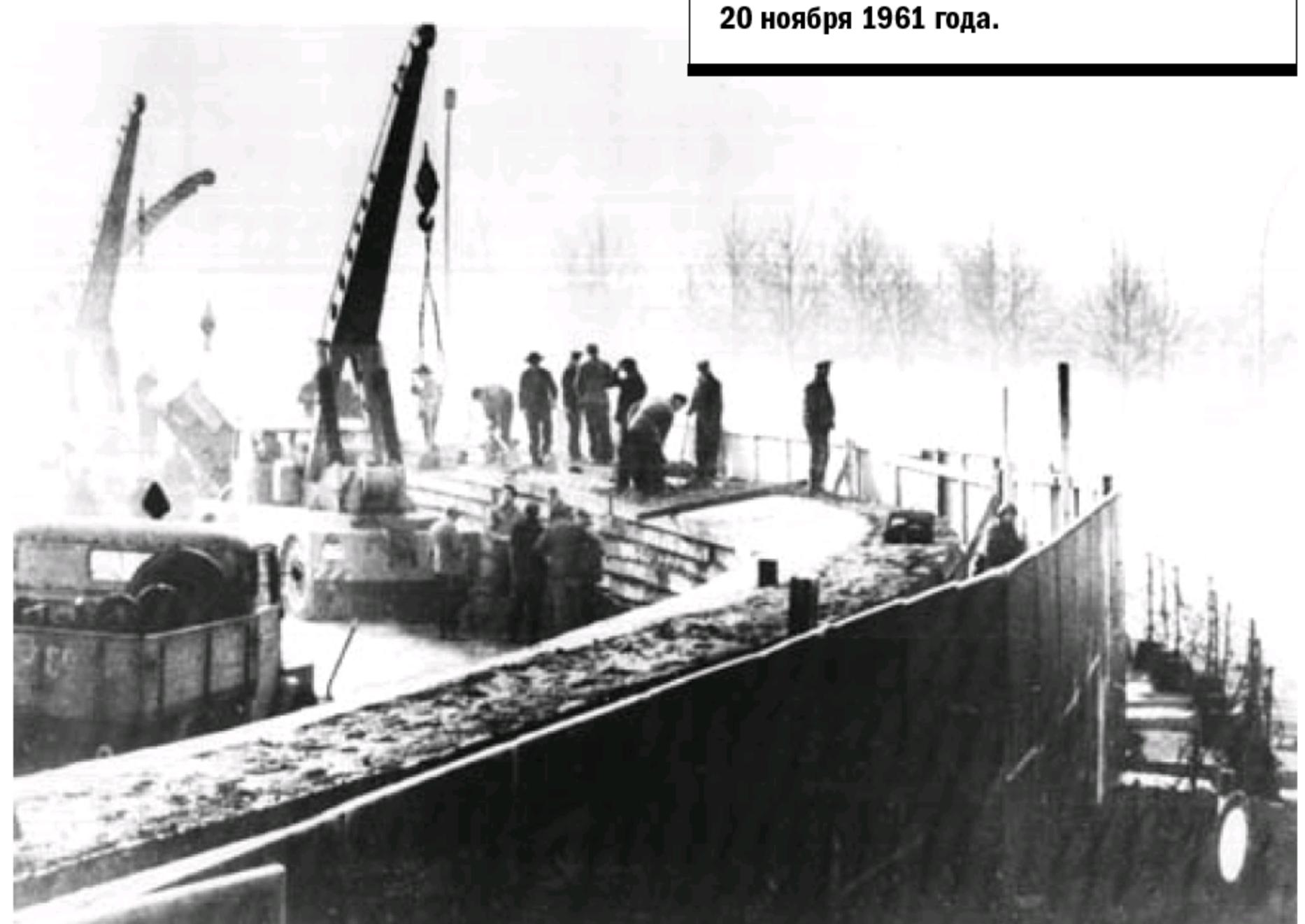
До возведения Берлинской стены можно было просто перепрыгнуть на Запад

тамошних законспирированных банковских счетов. Но оказалось, что они давным-давно закрыты.

По данным БКА, Юрген Г. принадлежал к группе из пяти человек. По приказу «Штази» она сводила счеты с «изменниками делу социализма». Он был зачислен в группу еще в семидесятых, когда служил радистом в Национальной народной армии ГДР. После обучения одиночному бою и бесшумному умерщвлению получил первое задание. В год их бывало по два-три, а последнее – в 1987 году. Задачи ему якобыставил полковник Главного управления разведки МГБ ГДР.

А по официальным документам Юрген Г. вел жизнь самую неприметную. После армейской службы освоил специальности газовщика и водопроводчика, дважды был женат, имел двух детей. С 1979 года работал на различных предприятиях. В феврале 1988-го резко поменял поле профессиональной деятельности, заняв место в администрации берлинского района Трептов. Примечательное обстоятельство: министерство внутренних дел ГДР, ведшее досье на каждого гражданина, блокировало доступ к сведениям о Юргене Г. именно за те годы, когда он, как утверждается, служил киллером. Весьма подозрительно, если речь идет всего лишь о водопроводчике или мелком чиновнике.

В октябре 1990-го, после объединения Германии, Юрген Г. спешно покинул госслужбу, решив заняться прежним легальным ремеслом. Переехал в Райнсберг. Но фирма, в которой он

нашел работу, в 1997-м обанкротилась, и с тех пор его микроавтобус «баркас» можно было видеть в разных местах Бранденбурга, где ему удавалось найти случайный заработок.

Сообщение об аресте Юргена Г. породило массу спекуляций в прессе. Ему поспешили приписать причастность к смерти западногерманского политика Уве Баршеля, чей труп был обнаружен в 1987 году в заполненной водой ванне; к гибели в автокатастрофе в 1979 году восточногерманского футболиста Лутца Айгендорфа, бежавшего на Запад четырьмя годами ранее; к падению из окна одного видного гэдээровского дипломата в Бухаресте. Но все это не вязалось с утверждениями арестованного, что свои задания он выполнял исключительно при помощи девятимиллиметрового пистолета Макарова.

Между тем в декабре Барбара Петерсен — адвокат Юргена Г., находящегося в предварительном заключении, — обратилась в прокуратуру Германии с требованием изменить ему меру пресечения, поскольку, изучив материалы дела, не нашла в них оснований для подозрений. Сам Г. уверяет, что выдумал свою историю только с целью получить работу в ЦРУ.

В деле Юргена Г. действительно много неясностей. К примеру, непонятно, куда подевались троны тех двух десятков изменников, в казни которых он якобы участвовал.

Среди прочего Юрген Г. признался «агенту ЦРУ» в казни в восточноберлинском Карлсхорсте бывшего «министра почт» ГДР. Тоже странно, потому что, насколько известно, никакого высшего почтового чина ГДР не убивали. Но сам арестованный утверждал, что его группа только приводила приговоры в исполнение, ничего не зная о личностях людей, подлежащих ликвидации. Так что можно предположить, что речь идет о министре финансов ГДР Зигфриде Беме — его нашли застреленным 4 мая 1980 года именно в Карлсхорсте. Власти ГДР обвинили в смерти ministra его собственную жену, которая якобы убила Бема в припадке ревности и затем покончила с собой. И Бема, и его супругу застрелили из пистолета Макарова. Федеральная прокуратура подозревала, что за случившимся стоит команда киллеров, ведь после того, как Бем стал позволять себе критические высказывания в адрес финансовой

Верховные заказчики: министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке (слева) и глава республики, генеральный секретарь СЕПГ Эрих Хонеккер

политики ГДР, он мог стать опасным для режима Хонеккера.

Шульце, трижды рожденный

Если история Юргена Г. пока выглядит неоднозначно, то документы по другим делам подводят к выводам вполне определенным.

Один из двух неизвестных, в феврале 1975 года напавших на активиста «Группы борьбы с бесчеловечностью» Зигфрида Шульце, тоже был вооружен «макаровым». В подъезде своего дома по западноберлинской Курфюрстенштрассе Шульце сначала получил сильнейший удар ребром ладони по основанию черепа. Удар мог бы быть смертельным, но лишь сбил Шульце с ног. Когда же, шатаясь, он поднялся на ноги, на него обрушился второй удар. Другой

После — кому-то удавалось перебраться через подземный туннель

незнакомец, решив, что Шульце голыми руками не возьмешь, принялся колотить его рукояткой пистолета по голове, а затем, сунув ему дуло прямо в рот, несколько раз нажал на спусковой крючок. Обескураженный тем, что выстрелов не последовало, он принялся дергать затвор, а Шульце, воспользовавшись замешательством нападавших, ушел через черный ход.

Как потом выяснилось, традиционное оружие хонеккеровских ангелов смерти — пистолет Макарова — не выстрелило оттого, что пока нападавший бил жертву рукояткой, из нее выскользнул магазин.

К своим тридцати пяти годам Зигфрид Шульце успел немало насолить восточногерманским властям. Кроме участия в мирных акциях протesta вроде голодовок в знак солидарности с политзаключенными в ГДР, Шульце приобрел широкую известность причастностью к взрывам у Берлинской стены. «Штази» присвоило ему кличку Фюрст (Князь) и отдало приказ «объект ликвидировать».

Подготовка к этому была организована по всем правилам. За Шульце установили круглосуточное наблюдение, были выявлены все его обычные маршруты и места проведения досуга — пивные «Бирхиммель», «Хелле» и «Кеглер-Круг». К проведению операции был подключен агент «Штази» Хайнрих Шнайдер, проходящий в документах ведомства под кличкой Реннфарер (Гонщик). В начале 1975 года ему удалось познакомиться с бывшей женой Шульце, работавшей кельнершей в гастрольном «Кабуфф». Шнайдер пригласил ее в номер западноберлинского отеля «Кемпински» и, пока она после любовных утех приводила себя в порядок в ванной, сделал слепок с ключей от квартиры ее бывшего мужа, которые остались у нее после развода.

Теперь можно было приступать к ликвидации объекта. Да вот беда — не то

Гонщик чересчур торопился, делая слепки, не то его коллеги-уголовники спустя рукава изготовили ключи, но двери квартиры Шульце с помощью дубликата открыть не удалось.

А тот, ничего не подозревая, готовил свою очередную акцию, которой было суждено стать самой громкой за всю его деятельность. 21 февраля 1975 года в районе Кляйн-Глинике на границе между Западным Берлином и гэдээровским округом Потсдам прогремели два взрыва. Майор погранвойск ГДР Патоляй получил тяжелые ранения и ослеп на левый глаз. МИД ГДР заявил решительный протест и потребовал от западноберлинского сената «наказать преступников и предпринять все необходимые меры для предотвращения возможности совершения таких преступлений впредь». Не дожидаясь выполнения этих требований, «Штази», глубоко уязвленное своей первой неудачей, взялось за подготовку новой попытки ликвидации Шульце.

Помогать Хайнриху Шнайдеру должен был Йозеф Тущински по кличке Карате. Когда их завербовала «Штази», оба уже были закоренелыми преступниками и как нельзя лучше отвечали критериям инструкций по вербовке агентов для «мокрых дел». Угрозы советы им были неведомы. Главой группы был назначен Шнайдер. К тому времени оба прошли курс по овладению всеми видами холодного и огнестрельного оружия, а также по применению быстродействующих наркотиков.

Но недостаточно точные удары Карате и бесполковое обращение с «макаровым» Реннфарера дали Шульце возможность выжить. Несмотря на неудачу, «Штази» все же выплатило Йозефу Тущински десятитысячный гонорар и организовала его нелегальную переброску в ГДР, где он получил квартиру и тысячу двести марок ежемесячной пенсии. Шедро был вознагражден и Хайнрих Шнайдер. За всю его «оперативную деятельность» ему былоплачено в общей сложности 800 тысяч марок. В 1977 году он был награжден бронзовым орденом «За заслуги перед Отечеством», а в 1979-м — медалью «За верную службу в Национальной народной армии ГДР».

15 июля 1980 года в машине на стоянке у западногерманского Бад-Херсфельда куском электрического кабеля был задушен Бернхард Мольденхаэр — активист Международного общества борьбы за права человека. «Штази» давно имело на него зуб за разоблачения хонеккеровского режима. Преступление было совершено «коллегой по борьбе» Мольденхаэра Арибертом Фредером, понапацу заявившим, что он пошел на убийство с целью ограбления. На самом деле, как выяснилось, Фредер в 1971 году был завербован «Штази», присвоившим ему оперативный псевдоним Гюнтер Франк. О его деятельности повествуют целых 20 томов документов. Гюнтер Франк среди прочего выполнял задания ХХII (антитеррористического) отдела МГБ ГДР и был лично знаком с его начальником полковником Харри Далемом.

Приставленный к Мольденхаэру агент исправно информировал о разнообразных аспектах деятельности правозащитника, а также о планах Общества борьбы за права человека в целом. Незадолго до убийства «Штази» получило от своего агента сообщение, что под надзором в узком кругу единомышленников обмолвился о «крупной акции», планирующейся против ГДР. Гюнтеру Франку было приказано срочно прибыть в Восточный Берлин для подробного доклада. Буквально за три дня до убийства Мольденхаэра Фредер изложил своим хозяевам из «Штази» подробности готовившейся акции. После чего, очевидно, и было принято решение о ликвидации «объекта «Контакт», как именовался Мольденхаэр в оператив-

ных сводках МГБ ГДР.

Сразу после ареста Фредера в МГБ поднялась паника. Был предпринят мозговой штурм для выработки аргументов в пользу его защиты, решено было оказать ему моральную и материальную помощь. Одновременно разрабатывался план мероприятий по предотвращению возможного ущерба политическому престижу ГДР. Несмотря на то что Фредер попытался изменить свои первоначальные показания и представить себя слепым орудием в руках «Штази», за время предварительного следствия заказчики выплатили ему около 60 тысяч марок.

Убийство у столба № 231

Агентам «Штази» обязан своей гибелью и Михаэль Гартеншлегер, известный громкими антигээровскими акциями. 15 сентября 1961 года он, тогда 17-летний юноша, был приговорен к пожизненному заключению: по мнению восточноберлинских властей, он совершил меры возмущался сооружением Берлинской стены. В 1971 году его выкупило правительство ФРГ, и он с успехом занялся организацией помощи желавшим бежать из ГДР.

Но известность ему принесли иные акции. Гартеншлегер взялся доказать, что ГДР оснастила свою границу самострелами, открывавшими огонь по каждому, кто пытался приблизиться к разграничительной черте. Однако доказательства наличия таких самострелов отсутствовали. Гартеншлегер долго и тщательно изучал подходы к границе на участке между западногерманским Бретеном и восточногерманским Вендиш-Липсом. В ночь на 30 марта 1976 года они с напарником, рискуя жизнью, незаметно подобрались к проволочному заграждению у пограничного столба № 231. Отсоединить кабель управления и открутить пару-другую гаек было делом нескольких минут. Так в их руках оказался самострел SM-70. Они передали устройство в редакцию журнала «Шпигель», который поведал миру об «оригинальном» подходе ГДР к охране своих границ. Общественный резонанс превзошел все ожидания.

23 апреля Гартеншлегер получил письмо от «Рабочей группы 13 августа» (названной по дате возведения Берлинской стены). Ему предлагалось за приличный гонорар предоставить в распоряжение группы такой же самострел. В следующую ночь Гартеншлегер демонтировал еще один SM-70 в 200 метрах от того места, где снял первый.

По свидетельству бывшего офицера «Штази», министр Мильке был просто взбешен и потребовал арестовать «этого

**3 августа 1961 года, возле Бранденбургских ворот. Надпись на плакате: «Внимание! Вы покидаете Западный Берлин». На заднем плане автомобиль-водомет ГДР
Внизу: вид на стену со стороны Восточного Берлина. 1967 год.**

преступника» при следующей же попытке. К тому времени «Штази» уже успело внедрить в группу Гартеншлегера своих людей. Один из них, Герд Петер Ридигер, в конце 1976 года был осужден за шпионаж в пользу ГДР. Другой – игравший роль правого экстремиста Удо Альбрехт – скрылся в ГДР через дыру в заграждении, которую проделали и охраняли автоматчики пограничных войск ГДР.

Но Гартеншлегер, воодушевленный своими успехами и популярностью, впал в эйфорию. Он задумал очередную эскападу, о чем и поспешил поделиться с членами группы. Он решил не только выкрасть очередной самострел, но и выставить ГДР на посмешище, поместив SM-70 у здания постоянного представительства ГДР в Бонне и снабдив табличкой: «Внимание! 200-метровая пограничная зона». Члены группы пытались уговорить его хотя бы сменить место акции, но куда там!

Информация ушла на Восток, и спец-

команда «Штази» заняла позиции у столба № 231, где 29 апреля был замечен Гартеншлегер. Ночь на 1 мая была прохладной – 3 градуса выше нуля – и светлой. Заметив, что за ними наблюдают с той стороны, люди Гартеншлегера снова посоветовали ему отказаться от задуманного. Но тот упрямо двинулся к заграждению.

Лотар Линекке, принимавший участие в операции, позже свидетельствовал, что ни положенных окриков, ни предварительных выстрелов в воздух со стороны ГДР не последовало. Прицельный огонь по Гартеншлегеру был открыт сразу четырьмя стрелками из автоматов и ручного пулемета. Обливаясь кровью, Гартеншлегер рухнул на землю. Когда выстрелы смолкли, в лучах прожекторов стало видно, как к лежавшему подбежали люди в камуфляже. Однако не затем, чтобы оказать ему первую помощь. Заметив пробежавшую по телу дрожь, они вновь открыли огонь

по раненому, но еще дышавшему Гартеншлегеру.

Через пару месяцев министр Мильке заявил перед слушателями унтер-офицерской школы в Перлеберге, что его люди «научат пограничников, как обходиться с провокаторами на границе». Все четыре стрелка были награждены боевыми орденами, а чтобы достойно отметить это событие, им было выделено полторы тысячи марок на шампанское.

Косвенные данные свидетельствуют о причастности «Штази» к подозрительным «самоубийствам» сотрудников внешнеторговых организаций ГДР. Все эти фирмы принадлежали Социалистической единой партии Германии (СЕПГ – правящая партия в Восточной Германии). В 1982 году после ужина с руководством СЕПГ в результате остановки сердца в туалете отеля «Штадт Лейпциг» умер Карл-Хайнц Нетцель, директор фирмы «Интенса». Точно такой же недуг поразил его наследника на посту директора Фрица Йона Бруна в восточноберлинской гостинице «Метрополь». Вызывает сомнения и «самоубийство» главы фирмы «Метама» Петера Брунса в 1982 году.

Не выяснены обстоятельства предполагаемого убийства Уве Хармса, которое было совершено в 1987 году в Гамбурге. Его фирма «Иле» тоже принадлежала СЕПГ. Труп Хармса был найден в пластиковом мешке. 18 марта 1988 года на Лейпцигской ярмарке умер Манфред Пулицер, генеральный директор «Азимекса» с 1982 по 1986 год. Клаус-Дитер Кранц, владелец фирмы «Хумедиа», которая с 1987 по 1988 год имела дела с

пресловутым отделением коммерческой координации все той же СЕПГ, 21 марта 1988 года был найден мертвым в своем офисе. Труп австрийского коммерсанта Херберта Рублера в марте 1989 года обнаружили в «Паластотеле» в Восточном Берлине. МГБ подозревало, что он двойной агент. Как следует из доклада «Штази», он умер в гостиничном номере при падении, ударившись головой о край ванны. Однако другие источники указывают на инфаркт как причину смерти. Есть много вопросов и в случае с западногерманским коммерсантом Хорстом Боссе, погившим 13 марта 1972 года на автобане под Готой, по пути на Лейпцигскую ярмарку.

Нет сомнения, что детальное изучение всех этих «дел» могло бы пролить новый свет на деятельность восточно-германской госбезопасности, а заодно и заставить задуматься о том, в какую сторону обычно закручивают гайки режимы с «управляющей демократией».

ГИЛЬОТИНА

для диктатуры пролетариата

Михаил КАРПОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Социалистическое правосудие, как известно, было самым гуманным в мире. Но вот парадокс — статья 102 конституции «капиталистической и реваншистской» ФРГ объявляла смертную казнь отмененной, а в системе наказаний ГДР она сохранялась с самого момента образования «первого на немецкой земле государства рабочих и крестьян» вплоть до 17 июля 1987 года. С 1949 по 1981 год смертные приговоры были вынесены 227 лицам, из которых 166 были казнены.

И вот от чего уж совсем мороз дерет по коже. До 1966 года приговоренным к высшей мере наказания, как в самые мрачные времена средневековья, рубили головы. Правда, палач не всаживал с кряканьем лезвие топора или меча в шею осужденного, а потихоньку дергал за веревочку, освобождая острейшее стальное трапециевидное лезвие гильотини; голова, отделенная от туловища, мягко слепалась в специальную корзину, а кровь из шеи орошала фаянсовый сток, уходящий в канализацию.

Социалистическим палачам не пришлось изучать чертежи доктора Гильотена и тратиться на сборку его изобретения. В наследство от гитлеровского режима им досталась проверенная и отлично зарекомендовавшая себя машина смерти.

Казнили в основном в Дрездене. До освобождения от нацизма во внутреннем дворе тамошнего земельного суда на Мюн-

Вплоть до 1966 года в ГДР рубили головы приговоренным к смертной казни

хенер-платц функционировало соответствующее оборудование, но перед самым концом войны его демонтировали и утопили в водах озера, образовавшегося на месте бывшей каменоломни Каменца в Остлаузитце под Дрезденом. Социалистические законники гильотину выловили, с немецким тщанием отмыли-отчистили, настроили и вновь пустили в дело.

Кроме Дрездена, казни поначалу проводились еще в Бранденбурге и во Франкфурте-на-Одере, а с 1960 года главным местом приведения смертных приговоров в исполнение стал Лейпциг. Сюда, в тюрьму на Альфред-Кестнер-штрассе, свозили приговоренных к смерти со всей ГДР. Сами надзиратели, конвоировавшие приговоренных, и ведать не ведали, что произойдет с их подопечными дальше. Их доставляли к месту казни ранним утром, объявляли приговор и тут же приводили его в исполнение.

Два слова и два зачеркивания

Первый смертный приговор на востоке Германии был вынесен уже 23 июня 1945 года. И вовсе не нацистскому, как можно было бы предположить, преступнику. Гюстровским судом к смерти была приговорена 27-летняя крестьянка, лишившая жизни четверых своих детей ради того, чтобы начать новую жизнь с молодым любовником. Но к ее

судьбе социалистическое правосудие отнеслось неожиданно гуманно — президиум мекленбургского ландтага заменил смертную казнь пожизненным заключением, а в 1963 году генеральный секретарь ЦК СЕПГ, председатель госсовета ГДР Вальтер Ульбрихт и вовсе помиловал осужденную.

Генсек при социализме всегда и везде был высшей инстанцией, ведавшей жизнью и смертью своих подданных. Вспомним хотя бы Хрущева, восстановившего своей волей в СССР смертную казнь и даже придавшего закону обратную силу, чтобы казнить группу валютчиков. Вот и без Ульбрихта не обходился ни один смертный приговор.

Целый вал был вынесен на так называемых Вальдхаймских процессах. Дело в том, что советские оккупационные власти решили в конце 1949 года ликвидировать три своих спецлагеря, созданных прямо на месте бывших нацистских, — № 4 (Баутцен), № 6 (Бухенвальд) и № 7 (Заксенхаузен). В них томились многие сотни тысяч заключенных и царили едва ли не те же нравы, порядки и условия, что и прежде. 14 января 1950 года председатель советской контрольной комиссии в Германии генерал армии Василий Чуйков писал тогдашнему заместителю премьер-министра ГДР Вальтеру Ульбрихту: из лагерей для интернированных должны быть освобождены 15038 человек, 10513 — переданы гэдээровскому

правосудию для дальнейшего отбытия полученных сроков, а 649 останутся под советской юрисдикцией как совершившие преступления против СССР. Преступная деятельность еще 3432 лиц, которым пока не вынесены приговоры, должна быть расследована судами ГДР и соответствующим образом наказана.

Для Ульбрихта нашелся прекрасный повод продемонстрировать всю свою бескомпромиссность в борьбе с классовым врагом. Тем более что к тому времени в Западной Германии уже развернулась дискуссия о возможности применения амнистии к некоторым военным и нацистским преступникам.

Особые трибуналы в Вальдхайме в период между апрелем и июлем 1950 года в закрытых заседаниях рассмотрели дела более чем 3 тысячи 400 человек, большинство из которых были приговорены к длительным срокам заключения. Были вынесены 32 смертных приговора, из которых 24 приведены в исполнение. Все эти разбирательства невольно воскрешали в памяти немцев совсем недавние времена, когда нацистскими Народными трибуналами командовал палач Роланд Фрайслер. Западноберлинский суд высшей инстанции после тщательного изучения материалов в 1954 году объявил Вальдхаймские процессы неправомочными.

А в июне 1955-го Ульбрихт лично разбирался с документами одного из процессов в Верховном суде ГДР. 10 человек обвинялись в членстве в западноберлинской «Группе борьбы против бесчеловечности», шпионаже и проведении актов саботажа. Особая комиссия суда в своем письме генсеку предлагала вынести один смертный, два пожизненных, четыре десяти-пятнадцатилетних и еще по одному пятнадцатилетнему, двенадцатилетнему и восемилетнему приговору. Проект показался Ульбрихту чересчур мягким, и он вычеркнул один из пожизненных сроков, вставив слова «предложение – смертный». И то же самое проделал с одним из десяти-пятнадцатилетних сроков, после чего начертал на документе: «Согласен. В. Ульбрихт». Суд беспрекословно выполнил повеление – три человека были обезглавлены в Дрездене. Для этого генсеку понадобились два слова и два зачеркивания.

Загадочная судьба Эрны Дорн

В предрассветных сумерках 1 октября 1953 года лезвие дрезденской гильотины отсекло голову от туловища женщины, которую называли Эрна Дорн. Это имя стало широко известно благодаря мощнейшей гэдээрковской пропагандистской кампании, изо всех сил ставившейся представить восстание 17 июня 1953 года «фашистским путчем». Чему в немалой степени способствовал стоявший тогда на коммунистических позициях известный писатель Штефан Хермлин, который написал широко распространявшуюся ульбрихтовским режимом повесть «Командирша». В 1994 году смертный приговор Эрне Дорн был объявлен неправомочным, но кем она была на самом деле и ее подлинное имя до сих пор остается неизвестным.

Из всего мрака и тумана, окутывающего эту историю, вырисовывается следующее.

В 1945 году в бесконечном потоке немецких беженцев из Чехословакии в советскую зону оккупации прибыла некая Эрна Брюзер, урожденная Шеффлер. При ней был документ, свидетельствовавший об освобождении из концлагеря, в который нацисты засадили ее за то, что ее муж был коммунистом. Сам он якобы был уничтожен в Заксенхаузене. Вскоре она вышла замуж за Макса Гевальда – «борца с фашизмом» и офицера народной полиции. А далее в ее судьбе происходит труднообъяснимый поворот.

Эрна Гевальд симулирует беременность, чтобы заполучить карточки на повышенные нормы питания. Это не проходит незамеченным. Вскоре ее поведение начинает удивлять власти все больше и больше. Она отказывается как бывшая заключенная выступить свидетелем на процессе надзирательницы концлагеря Равенсбрюк Гертруд Рабештайн. А затем и вовсе, будучи членом СЕПГ, растратывает партийные денежки, попадая в итоге на 11 месяцев за решетку.

«Жертва нацизма» на глазах деградирует, превращаясь в обычную уголовницу, вскоре после отбытия первого срока вновь оказывается за тюремными стенами. И неизвестно с какого рожна пускается плести о себе чудовищные легенды: она якобы входила в некую разветвленную шпионскую сеть. Немало воодушевленные понаехало таким признанием, сотрудники «Штази», к своему полному разочарованию, не могут найти ни малейшего подтверждения рассказам Эрны. Тем ни менее эти признания подшиваются к делу. А у Эрны уже готов и новый сюжет – на самом деле она урожденная Камински, была замужем заunterшарфюром СС Эрихом Дорном и служила в гестапо Равенсбрюка. И вновь сообщенное ею крайне противоречиво, и доказательств ему не находится. От показаний явно разит если не полным сумасшествием, то явным психическим нездоровьем. Тем не менее социалистическое правосудие делает свое дело, и на основании исключительно личных признаний Эрна получает 15 лет тюрьмы.

Восстание 17 июня она встречает в следственной тюрьме в Галле. Взбунтовавшиеся граждане ГДР освобождают заключенных, и Эрна оказывается на свободе. Ненадолго. Уже на следующий день она вновь за решеткой. Вот теперь-то и разыгрывается нечто невероятное.

На допросе 21 июня начинает форми-

роваться легенда, приобретшая свои окончательные очертания в речи члена политбюро Рудольфа Хернштадта на 14-м пленуме ЦК СЕПГ, посвященном событиям 17 июля: «По спискам, подготовленным в западноберлинских разведывательных центрах, из тюрем были выпущены преимущественно фашистские и уголовные преступники, как, например, осужденная демократическим правосудием за зверские преступления против человечности надзирательница женского концентрационного лагеря Равенсбрюк Эрна Дорн. Опираясь на них, планировалось создать в ГДР фашистское государство и преградить Германии путь к единству и миру».

На следующий же день начался закрытый процесс против Эрны Дорн. Судебное разбирательство еще не закончилось, а прессе уже были разданы его протоколы. Гэдээрковские СМИ особо напирали на следующий пассаж из них: «Вопрос: «17 июля вы выступали на митинге на Халльмаркт в Галле. Как вы, будучи заключенной, там оказались?» Ответ: «Здание тюрьмы было захвачено, двери моей камеры отворились,

Эрна Дорн – портрет, сделанный в полиции в 1953 году

Гитти «Морозова» и последняя жертва

Примечательно, что большинство казненных в ГДР отнюдь не были нацистскими преступниками. Куда чаще казнили за так называемые «государственные преступления». Причем, как и в СССР, если, скажем, в пьяной драке был убит представитель власти или просто член СЕПГ, то это автоматически приравнивалось к теракту и сулило верный смертный приговор. Особо жестоко карались перебежчики. Практически все смертные приговоры по таким делам приводились в исполнение. Чего уж говорить о том, когда бежать пытался сотрудник «Штази». Даже если побег ему удался – шансов выжить оставалось немного. О том свидетельствует происшедшее с майором Сильвестром Мурау.

В октябре 1954 года ему удалось перебежать в ФРГ. Он и обжился в Гессене не успел, как в июле 1955-го получил телеграмму от своей дочери Гитти. Мурау пригласил ее к себе. Гитти будто бы абсолютно случайно познакомила его с двумя, как

Доктор Жозеф Гильотен, который в 1792 году изобрел адскую машину

и внутрь вошли два человека, которые задали мне вопрос: «За что вы здесь сидите?» Я ответила, что за преступления против человечности. Они сказали: «Вот таких-то людей мы и ищем, вы-то нам и нужны».

Эрне Дорн вменяли в вину принадлежность к руководству штабом восставших, хотя свидетели в один голос утверждали, что среди его членов ни одной женщины вообще не было. И вновь обвинения против Эрны Дорн базировались лишь на ее личных показаниях да письме, якобы при ней найденном. В нем говорилось: «Может статься, придет время, когда наш любимый фюрер вновь начнет действовать, вновь взвоязываются знамена национал-социалистической партии, и я опять попробую занять должность в политическом отделе или нашем гестапо... И теперь самое важное: пришли мне, пожалуйста, мое гестаповское удостоверение (РСХА), чтобы я смогла перебежать на Запад».

Мысль, что удостоверение сотрудника гестапо поможет получить признание в ФРГ, могла прийти в голову лишь недалеким следователям, допрашивавшим Эрну.

Процесс, естественно, закончился смертным приговором. Эрна Дорн была обезглавлена бывшей нацистской гильотиной в Дрездене. А ее легенда продолжала жить своей отдельной жизнью. В центральном органе СЕПГ «Нойес дойчланд» появилась публикация, в которой утверждалось, что Эрна Дорн на самом деле эсэсовка Рабештайн по кличке Рабенаас – из тех, что с собаками сторожили заключенных в Равенсбрюке. Но подлинная Гертруд Рабештайн в тот момент отбывала пожизненное заключение, и именно против нее должна была давать показания Эрна Дорн в 1948 году. Она умерла в тюрьме в 1974 году. А вот личность Эрны Шеффлер-Брюзер-Гевальд-Камински-Дорн-Рабештайн так и не установлена до сих пор. Ясно только одно – никакой нацистской путчисткой она не была.

А была, скорее всего, больной, ненормальной женщиной, которую гэдээрковские пропагандисты цинично использовали для проведения показательного процесса и создания очередной легенды о Реваншистском подполье.

бы звучать эти «неожиданные выстрелы», да только в июле 1987 года Эрих Хонеккер собрался в свой первый визит в ФРГ. Чтобы быть принятным с соответствующими почестями, что означало бы, по его мнению, решавший шаг к окончательному признанию ГДР, генсек объявил 17 июля амнистию, в рамках которой была отменена и смертная казнь. Хонеккер даже пошел на нарушение конституции ГДР, так как принять соответствующее решение имела право лишь Народная палата.

Кстати, еще в 1984 году представитель министерства юстиции ГДР заявлял на заседании Комитета по правам человека ООН в Женеве, что с 1978 года в ГДР больше не выносилось ни одного смертного приговора и тем более не приводилось в исполнение. Это была неприкрытая ложь. В 1980 году был казнен капитан второго ранга Винфред Бауманн, обвиненный в шпионаже.

Сохранилась магнитофонная запись высказываний министра госбезопасности Эриха Мильке, относящаяся к 1981 году и содержащая изложение его позиции по вопросу смертной казни: «Мы отнюдь не гарантированы от проникновения в наши ряды какого-нибудь негодяя. Как только я об этом узнаю, назавтра его уже не будет в живых. Процесс против него будет быстрым, потому что я гуманист. Вся эта болтовня об отмене смертной казни – сущая ерунда. Если понадобится, казнить можно и без приговора суда».

Еще в 1968 году МГБ и МВД ГДР издали «совместное распоряжение», согласно которому казни отныне должны были проводиться в обстановке «полной секретности». Последние письма приговоренных к смерти, если им позволяли их написать, никогда не достигали адресатов, что должно было способствовать поддержанию режима секретности. Так же как и фальшивые заключения о причинах смерти. Как и в сталинские времена в СССР, в этих свидетельствах указывались такие причины смерти, как «сердечный приступ» или даже «несчастный случай». Тела тайно, без регистрации, сжигались в лейпцигском крематории.

Последним казненным гэдээрковским правосудием стал доктор Вернер Теске. Двадцатилетним студентом он, будучи убежденным коммунистом, выполнял отдельные задания «Штази». Став дипломированным экономистом, Теске мечтал об университете кафедре или, на худой конец, карьере в сфере внешней торговли, но «Штази» решила по-своему. Заверив его, что он сможет продолжать свои научные занятия, из Теске сделали штатного сотрудника XV отдела Главного управления разведки МГБ. Одной из главных задач отдела была ликвидация отставания ГДР в научно-технической сфере. Теске работал с агентами на Западе, занимавшимися промышленным шпионажем. Служба в МГБ ему не слишком нравилась, тем более что «Штази» не сдержала обещания разрешить ему публиковать свои научные исследования. Он начал попивать. Затем к этому добавились аферы с валютой, правда, довольно скромные, и нарушение строгих правил конспирации. Он, например, брал на дом служебные документы.

Постепенно Теске пришел к выводу, что у него остался единственный выход – бегство на Запад. Сделать это ему было проще простого – он имел доступ к закрытому для простых граждан ГДР перрону берлинского вокзала Фридрих-штрассе, где встречался со своими агентами. Оттуда, просто сев в поезд, он всего через десять минут мог оказаться в Западном Берлине. Теске запасся кое-какими секретными материалами, чтобы на первое время быть обеспеченным на Западе.

Дважды он подолгу стоял на том перроне, не решаясь бросить в ГДР семью. А потом внезапно вскрылись его прегрешения. Его вызвали на допрос, а квартиру обыскали. Чтобы не втягивать в это дело жену, Теске выдал местонахождение своего тайника и сознался в планах бежать из ГДР.

Несмотря на то что его защитник на суде указывал: побег не был осуществлен, и секретные материалы не попали в лапы врагу, 11 июня 1981 года Вернер Теске был приговорен к смертной казни. А 15 дней спустя в лейпцигской тюрьме прозвучал последний в истории ГДР «неожиданный выстрел в затылок».

Неизвестно, как долго еще продолжали

Один против ЦРУ

Владимир АБАРИНОВ

Специально для «Совершенно секретно»

«А за это, друг мой пьяный, –
Говорил он Епифану, –
Будут деньги, дом в Чикаго,
много женщин и машин!»

В. Высоцкий

Эта тяжба тянулась уже восьмой год. Она прошла все судебные инстанции и наконец добралась до высшей – Верховного Суда США. Дело называлось «Тенет против Доу». Теперь его правильнее было бы назвать «Госс против Доу»: Джорджа Тенета на посту директора ЦРУ сменил Портер Госс. А начался спор, когда Тенет еще не был директором – обидел искателей справедливости его предшественник Джон Дойч.

Подлинные имена тех, с кем судилось Центральное разведывательное управление, не разглашаются – как и их прежнее гражданство, они составляют государственную тайну; люди эти давно живут в США под чужими именами и с вымышленными биографиями. Известно, однако, что это бывшие граждане, как сказано в бумагах, «одной из стран Восточного блока, в годы «холодной войны» считавшейся противником США». В другом месте имеется более выразительное определение – «одной из стран Советской империи». Как обычно в таких случаях, в юридических документах они фигурируют под псевдонимом Джон и Джейн Доу – это то же самое, что «имярек» по-русски.

Квота на предателей

Более 20 лет назад (точная дата опять-таки неизвестна) супруги Доу работали за рубежом. Глава семейства занимал значительный пост в посольстве своей страны. К этому времени они, по их собственным словам, «разочаровались в коммунизме» и искали возможность эмигрировать. Однажды Джон Доу близко сошелся с американским дипломатом и обратился к нему с просьбой посодействовать их побегу на Запад. Дипломат тотчас доложил о разговоре своему начальству, и супругов взяли в оборот сотрудники резидентуры ЦРУ. Дипломата и его жену доставили в дом, где продержали около 12 часов, убеждая их не спешить с бегством, а заняться шпионажем. В этих уговорах, по словам Джона и Джейн Доу, американцы использовали методы запугивания и принуждения – проще говоря, шантаж.

Сотрудники резидентуры вели себя типично для шпионского ведомства. Никакая разведка не любит инициативников, то есть людей, предлагающих ей свои услуги по собственному почину. Таким людям не доверяют, видят в них провокаторов и чаще всего отказываются от их предложений. Именно это произошло в свое время с Олегом Пеньковским: не добившись толку от американцев, он пошел к англичанам. Чаще всего в таких случаях дипломаты ставят в известность о «провокации» компетентные органы страны пребывания: одним шпионом меньше – какая разница, а своя карьера ближе к телу. Разведка предпочитает агента завербовать, причем так, чтобы он попался на чем-то стыдном или противозаконном. Поэтому если инициативник не внушает подозрений, его начинают разрабатывать именно в этом отношении. Нет сомнений, что за супругами Доу было установлено наблюдение и что запугивание, о котором говорится в юридических документах, это угрозы сообщить куда следует об их желании остаться на Западе.

Параллельно с угрозами перед дипломатом рисовали радужную картину будущего. Агенты не рекомендовали супругам эмигрировать без поддержки ЦРУ – мол, придется им на новом месте туда, начинать жизнь надо будет с чистого листа. Зато если они теперь немного пошпионят, то обеспечат

Шпионы-перебежчики судятся с государством, в которое перебежали

себе благосостояние на всю оставшуюся жизнь – ЦРУ по закону обязано заботиться о заслуженных перебежчиках.

Совершенно очевидно, что высокопоставленный дипломат вполне способен преуспеть в США и без всякой поддержки ЦРУ. Невозвращенцы такого ранга становились популярными фигурами, со своим знанием дипломатической кухни они легко получали теплые места в различных «мозговых центрах» американской столицы. Но вербовщики, как можно догадаться, отрезали им путь к отступлению: разговоры будущего невозвращенца наверняка снимались скрытой видеокамерой – ведь дело происходило в единственном особняке, оборудованном всем необходимым. И Джон Доу решился.

(Идентифицировать Джона Доу не представляется возможным. Дипломаты восточноевропейских стран довольно часто оставались на Западе. Кто из них был завербован американской разведкой, конечно, не сообщается. К примеру, для польских дипломатов Рубиконом стал декабрь 1981 года – после введения правительством генерала Ярузельского военного положения они просили политического убежища в массовом порядке. Именно тогда стал невозвращенцем Ромуальд Спасовский – посол Польши в Вашингтоне, до этого работавший в Индии. Спасовский был принят президентом Рейганом. В 1986 году он издал в США книгу своих воспоминаний, но затем как-то исчез с горизонта. Еще двое заметных перебежчиков – польский посол в Токио, в прошлом экономический советник Эдварда Герека Здислав Рурарж и полковник Владзимеж Осташевич, бывший военный атташе посольства Польши в Брюсселе, – об обоих тоже в последние годы ничего не слышно. Оба остались на Западе в том же декабре 1981 года, но после введения военного положения, а Спасовский сделал это шестью днями раньше. Естественно, эвакуация агента могла быть замаскирована под политическую эмиграцию.)

Закон о национальной безопасности 1947 года, в соответствии с которым было создано ЦРУ, действительно дает директору управления право обеспечивать ценных перебежчиков всем необходимым пожизненно или до тех пор, пока они не встанут на ноги на новообретенной родине. Им присваивается специальный иммиграционный статус PL-110 – это значит, что они избавлены от сложной, продолжительной и небесплатной процедуры получения американского граж-

данства и получают его даже в тех случаях, когда их личные данные не отвечают обычным требованиям иммиграционного законодательства. По представлению директора ЦРУ гражданство они получают сразу, но на вымышленное имя. Из бюджета разведки семьи перебежчиков выплачиваются подъемные, ЦРУ подыскивает и покупает для них жилье, оплачивает медицинскую страховку, предоставляет ежемесячную пенсию и дает рекомендации, во что вложить и как приумножить эти средства.

Для ведения всего этого хозяйства в структуре ЦРУ существует специальное учреждение – Национальный центр операций по обустройству, точное местонахождение которого в пригородах Вашингтона сохраняется в тайне. В настоящее время Центр выплачивает регулярное пособие более чем 400 перебежчикам; вместе с членами их семей число получателей выплат составляет около 1800 человек. (Точная цифра тоже секрет, но осведомленные люди ее примерно знают.) Многие из них, но далеко не все – бывшие граждане Советского Союза или России. Оказавшиеся США наиболее значительные услуги содержатся на средства ЦРУ пожизненно. Разведка не употребляет термин «перебежчик» – в документах этих людей называют «переселенец» или «дефектор-герой». Ежегодная квота директора ЦРУ на переселение составляет 100 человек. Недостатка в желающих не ощущается.

Найти и ликвидировать

Смена индивидуальности перебежчика – мера совершенно необходимая. Это в Советском Союзе окруженные почетом бывшие двойные агенты Ким Филби и Джордж Блейк жили (Блейк здравствует и по сей день) под своими собственными именами и в полном комфорте, принимали визитеров из Англии, давали интервью, издавали на Западе книги и беспрепятственно получали оттуда гонорары. За советскими перебежчиками их прежняя родина охотилась. Один из первых перебежчиков, блестящий нелегал ИНО Георгий Агабеков, работавший в Константинополе, стал и одной из первых жертв. Он обратился к британским властям с просьбой о политубежище в 1930 году. Летом 1938 года погиб – по одной из версий, был сброшен в пропасть в Пиренеях.

В годы ежовщины охота на бывших сотрудников разведки, отказавшихся вернуться на расправу, стала едва ли не единственным

содержанием работы НКВД за рубежом. К их выслеживанию и ликвидации была привлечена вся заграничная агентурная сеть, разрабатывались многоходовые операции. В результате одной из таких операций в сентябре 1937 года был убит парижский нелегал ГРУ Игнатий Рейсс (Порецкий); его изрешеченный пулями труп нашли на обочине шоссе близ Лозанны. Жена Рейssa и его ребенок остались в живых только потому, что участница операции, заманившая в ловушку Рейssa, отказалась передать им коробку шоколадных конфет, отправленных стрихнином. Эльза Порецкая благополучно переселилась в Америку.

После ликвидации своего друга отказался выполнить приказ о возвращении в Москву резидент-нелегал в Гааге Вальтер Кривицкий. Он стал, по-видимому, первым советским перебежчиком, публично заявившим о политических мотивах решения о невозвращении (послание Рейssa ЦК ВКП(б) увидело свет уже после его убийства, бывший посол в Болгарии Федор Раскольников опубликовал свое открытое письмо Сталину двумя годами позже). В феврале 1941 года Кривицкого нашли в номере вашингтонского отеля Bellevue с пропелленной головой.

Еще один невозвращенец, Александр Орлов, вовремя разгадал ловушку. Перебравшись из Испании в США, он предупредил свое бывшее начальство, что в случае его насилистической смерти американский адвокат раскроет все известные Орлову тайны НКВД. К письму на имя Ежова, опущенному в почтовый ящик советского посольства в Париже, прилагался перечень кодовых названий операций и псевдонимов агентов, раскрыть которые угрожал отправитель. Орлов знал очень много, и Ежов отменил приказ о ликвидации. Тем не менее Орлов продолжал скрываться вплоть до смерти Сталина, причем делал это настолько профессионально, что о его пребывании на территории США ничего не знал даже директор ФБР Эдгар Гувер – он узнал об этом из статей самого Орлова в журнале Life. Однако и после легализации Орлов не передал американцам самую важную информацию – в частности, о «кембриджской пятерке» (он лично вербовал Кима Филби и его однокурсников) и советском атомном шпионаже. Раскрой он эту сеть американцам – и Советский Союз, возможно, не стал бы ядерной державой, мир был бы иным. Но Орлов был убежденным ком-

мунистом-ленинцем и соблюдал молчаливое джентльменское соглашение вплоть до самой смерти в 1973 году.

При Сталине никаких приговоров в отношении перебежчиков не требовалось. Приказы о ликвидации отдавались на основании постановления ЦИК СССР от 21 ноября 1927 года, объявлявшим вне закона граждан СССР, отказавшихся вернуться. Они подлежали расстрелу без суда и следствия, а их имущество конфисковали; постановление имело обратную силу. При Хрущеве уже требовалась хотя бы видимость законности. Перебежчиков и двойных агентов старались заманить в Советский Союз или похитить; засим следовали допросы, закрытый суд и расстрел. Если заполучить предателя никоим образом не удавалось, ему выносился заочный приговор, приводившийся в исполнение зарубежными резидентами, в том числе с привлечением наемных киллеров.

В годы «холодной войны» разведка считала делом чести найти, выследить и покарать предателя. Были случаи, когда разоблаченного двойного агента использовали в шпионской игре, поставляя через него дезинформацию, но по окончании игры все-таки расстреливали. Такой была участь подполковника ГРУ Петра Попова, который был завербован ЦРУ в 1953 году в Вене и арестован в Москве по наводке Джорджа Блейка в феврале 1959-го. В дальнейшем Попов стал работать под контролем КГБ до тех пор, пока Москва не эвакуировала всех оказавшихся под угрозой сотрудников ГРУ на Запад. После этого Попов стал не нужен. Его судили закрытым судом Военной коллегии Верховного Суда СССР и приговорили к смертной казни. Согласно лубянским анналам, КГБ ходатайствовал о смягчении наказания, но не преуспел. Попова расстреляли в июне 1960 года. По некоторым сведениям, приговор вынес лично Хрущев, крайне озлобленный на США в связи с берлинским кризисом. Много лет спустя выяснилось, что на одной из встреч со связником ЦРУ Попов сумел незаметно передать сообщение о том, что он работает под контролем.

В 1985 году Одрич Эймс сдал в числе прочих двух сотрудников вашингтонской резидентуры — Сергея Моторина и Валерия Мартынова, работавших на ЦРУ. Майор Моторин к этому времени уже находился в Москве, арестовать его труда не составляло. Подполковника же Мартынова отправили в Москву со спецзаданием — сопровождать одумавшегося перебежчика Виталия Юрченко (эта история остается одной из тайн российской разведки; наиболее убедительная версия гласит, что мнимый побег Юрченко был операцией прикрытия для Эймса). Тогдашний замглавы резидентуры Виктор Черкашин в только что вышедшей в США книге Spy Handler описывает ситуацию с большой долей сентиментальности: по его словам, и он, и его жена, работавшая шифровальщицей и по долгу службы узнавшая о случившемся, любили Мартынова почти родительской любовью.

Провожая Мартынова в Москву, Черкашин знал, что тот летит на верную смерть. Черкашин называет это решение одним из самых сложных в своей жизни. Но после того, как оно было принято, Черкашин не колебался. Он выступил свидетелем обвинения на закрытом суде, хотя ничего не знал о вербовке, до тех пор пока о ней не сообщил Эймс. Мартынов и Моторин были расстреляны.

В том же году, но уже после Эймса, Мартынова и Моторина сдал Роберт Ханссен. Это позволило его адвокату Плато Качерису, который защищал и Эймса, отклонить обвинение в выдаче агента, которое по американским законам может повлечь за собой смертную казнь. Он говорил, что установить, кто именно предал Мартынова и Моторина, не представляется возможным. Впрочем, к смертной казни не приговорили и Эймса — высшая мера за шпионаж была отменена после казни супругов Розенберг и восстановлена только после разоблачения Эймса.

Черкашин утверждает, что оргия арестов и расстрелов по стопам донесений Эймса была следствием карьеристских амбиций Владимира Крючкова, который в тот момент был начальником Первого главного управления (внешней разведки), но мечтал занять пост председателя КГБ. По словам Черка-

шина, Крючков не доложил Политбюро о наличии «кrot» в ЦРУ и представил дело так, будто все разоблачения — результат блестящей работы ПГУ под его руководством. В конечном счете круг замкнулся — след привел к провалу самого Эймса А Крючков стал председателем.

Странно отметить, что упоминавшиеся выше Ромуальд Спасовский и Владислав Осташевич были заочно приговорены к смертной казни в Польше. В России практика заочного судопроизводства прекратилась 1 июля 2002 года, когда в силу вступил новый уголовно-процессуальный кодекс, запрещающий рассматривать дела в отсутствие обвиняемого. Последними перебежчиками, осужденными заочно в последних числах июня, стали Олег Калугин, приговоренный к 15 годам лишения свободы в колонии строгого режима, и Александр Литвиненко, осужденный на три с половиной года условно с испытательным сроком в один год. Обоим приговорам предшествовала комедия с попытками вручить обвиняемым повестки в суд.

Суд шпиону не подмога

Вернемся, однако, к супругам Доу. Когда для них настал момент обретения новой родины, американская разведка пунктуально исполнила свои обещания: перебежчикам купили дом в пригородах Сиэтла и предложили пожизненную пенсию. Но бывший дипломат выбрал иную стезю: он сказал, что он и его жена хотят «полностью интегрироваться в американское общество», а потому он просит помочь ему подыскать работу. За этим у ЦРУ дело не стало. К фиктивному резюме присовокупили фиктивные же рекомендательные письма, возможно, намекнули нужным людям, и в 1987 году Джон Доу поступил на службу в банк.

После этого, в соответствии с договоренностью, его ежегодная пенсия, первоначально составлявшая 20, а затем проиндексированная до 27 тысяч долларов (по нынешним временам это чуть больше 45 тысяч — средняя зарплата по стране), начала уменьшаться по мере роста жалованья и в конечном счете сошла на нет. Однако в феврале 1997 года наступил крах: в результате слияния двух банков ставка Джона Доу была сокращена, и он потерял работу, а вместе с ней и средства к существованию. Возраст бывшего дипломата приближался к 60 годам. В такие лета непросто найти работу и с настоящими рекомендациями. После нескольких безуспешных самостоятельных попыток Джон Доу обратился к ЦРУ с просьбой о содействии в трудоустройстве и возобновлении пенсионных выплат. Ответа долго не было, а когда спустя пять месяцев он наконец пришел, в письме содержался полный афронт: перебежчика уведомляли, что ему больше никакой поддержки не причитается.

Джону Доу оставалось лишь обратиться к адвокату, что он и сделал. Адвокат, взявшийся за дело, в установленном порядке получил допуск к секретной информации, но никаких документов, касающихся своего клиента, получить от ЦРУ не смог — все его запросы, равно как и просьбы о личной встрече, получили отказ или были проигнорированы. Наконец, дело поступило на рассмотрение комиссии Хелмса — совещательного органа бывших сотрудников ЦРУ во главе с бывшим директором управления Ричардом Хелмсом, созданного специально для рассмотрения жалоб на разведку. Она рекомендовала возобновить выплаты еще на один год с тем, однако, условием, что Джон Доу подпишет отказ от каких бы то ни было претензий в дальнейшем. Такую бумагу проситель подписывать не стал. Вместо этого он вчинил ЦРУ иск в федеральном окружном суде.

Споры о вознаграждении за шпионскую службу — не редкость. Но решаются они, как правило, во внесудебном порядке. В свое время бывший полковник КГБ Виктор Гундарев, работавший в афинской резидентуре и бежавший на Запад в 1986 году, был настолько разочарован оказанным ему в США приемом, что обдумывал идею воз-

вращения. Помог ему известный литератор, автор бестселлеров о разведке Дэвид Вайз. Он опубликовал заметку в New York Times, в которой пристыдил шпионское ведомство. В Лондоне, испугавшись повторения истории с Юрченко, не только вняли требованиям Гундарева, но и внесли изменения в программу адаптации перебежчиков.

Бывший майор КГБ, специалист по компьютерным технологиям Виктор Шеймов публично обвинил ЦРУ в недоплате. Он утверждал, что управление обещало ему миллион долларов. (В этой цифре нет ничего сверхъестественного.) Интересы Шеймова взялся защищать его деловой партнер, известный адвокат и бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси. Никаких судов не было,

«Разоблачитель» шпионов Владимир Крючков (слева) и Джеймс Вулси, защитник интересов обиженных перебежчиков

дело тянулось долго, но в конце концов в 1994 году стороны пришли к соглашению, детали которого не разглашаются. Шеймов ныне руководит компанией Invicta Networks, обеспечивающей компьютерным сетям защиту от взлома; Джеймс Вулси значится в компании членом совета директоров.

В отношении Джона Доу ЦРУ повело себя оригинально. Ссылаясь на секретность, управление не подтверждает и не опровергает сведения, содержащиеся в иске, — поэтому во всех документах изложение этих сведений предваряется условно-сослагательным оборотом. Разведка не оправдывается. Она вчинила встречный иск, требуя отказать Джону Доу в удовлетворении его претензий на основании прецедента 1875 года — решения Верховного Суда США по делу «Тоттен против Соединенных Штатов».

Только наличными!

Это был иск Еноха Тоттена, наследника Уильяма Ллойда — шпиона северян в годы Гражданской войны. Контракт с Ллойдом подписал в июле 1861 года лично президент Линкольн, обязавшись платить ему за работу во вражеском стане 200 долларов в месяц. Суд установил, что Ллойд исполнял свою обязанность весьма эффективно вплоть до окончания военных действий и что собранная им информация попадала на письменный стол Линкольна. Однако президента убили за два месяца до капитуляции южан, а поскольку контракт с Ллойдом носил характер частного обязательства, шпион получил за свои труды лишь возмещение издержек. После мытарств по всем инстанциям Верховный Суд отклонил иск: этот синклит рассудил, что рассмотрение иска потребует от правительства Соединенных Штатов подтвердить факт заключения секретных контрактов о шпионаже, а это может негативно отразиться на отношениях США с другими государствами. Более того — с точки зрения суда, именно истец нарушил условия секретной сделки, поскольку разгласил факт ее заключения.

Ссылаясь на этот прецедент, правительство США в лице исполняющего обязанности генерального стяпчего США Пола Клемента заявило, что соглашения с завербованными агентами разведки не защищены американским трудовым правом и не подлежат рассмотрению в суде общей юрисдикции — жалобы на эту тему должны рассматриваться в особом внесудебном порядке. Однако окружной федеральный суд в Сан-Франциско с этим аргументом не согласился — по его мнению, обсуждения секретности не отменяют конституционное

право на надлежащую судебную процедуру. В мае 2003 года федеральный окружной апелляционный суд подтвердил это решение двумя голосами против одного. Если правительство хочет защитить информацию от разглашения, сказано в постановлении, оно должно подать ходатайство в установленном порядке, а уж суд решит, согласиться с доводами правительства или нет. Правительство потребовало пересмотреть дела полным составом апелляционного суда. В этом ему было отказано.

Осталась последняя инстанция — Верховный Суд США. Он принял дело к рассмотрению и заслушал прения сторон 11 января этого года. Пол Клемент в своей аргументации говорил о том, что уже состоявшиеся решения по делу «весьма угрожают скомпрометировать отношения Соединенных Штатов с другими государствами и ослабить возможности США проводить тайные операции разведки и защищать от разглашения информацию, касающуюся национальной безопасности». «В тот момент, когда вы вступаете в шпионские взаимоотношения, вы понимаете, что вы не защищены американским законом», — говорил Клемент. Член Верховного Суда Пол Стивенс заострил ситуацию: «В таком случае имеете ли вы право подвергнуть агента пытке, если вы не удовлетворены его работой?» Нет, ответил после краткого раздумья Клемент, потому что в этом случае речь идет уже не о шпионе, а о человеке и его конституционных правах. Оппонент Клемента Дэвид Бэрман доказывал, что конституционные права есть и у шпиона.

Отставные профессионалы разведки в своих комментариях говорили, что теперь, когда в условиях глобальной войны с террором ЦРУ необходима агентура в экстремистских организациях, неразумно демонстрировать потенциальным агентам, что правительство вполне может нарушить свои обещания — именно это подрывает национальную безопасность.

Однако суд рассудил иначе. Хотя в составе суда есть либералы и консерваторы и во многих случаях решения принимаются минимальным большинством голосов, 5 против 4, в данном случае оно было единогласным, а текст постановления написал лично председатель ВС Уильям Ренквист, поднявшийся ради этого с одра тяжкой болезни (недавно он перенес операцию по поводу рака щитовидной железы, с трудом исполнил свою обязанность на церемонии инаугурации и в регулярных заседаниях суда в настоящее время не участвует). Постановление, изданное 2 марта, гласит, что прецедент «Тоттен против США» остается в силе, возможность разглашения секретной информации в ходе судебного разбирательства «неприемлема». «И работодатель, и агент должны понимать, что их уста навеки скованы обетом молчания», — цитирует Ренквист судебное решение вековой давности. Позволить бывшим шпионам вчинять иски ЦРУ означает превратить разведку в объект «мягкого шантажа», говорится далее. В отличие от шантажа обычного, или «черного», «серым» или «зеленым» в Америке называется практика судебных тяжб уволенного работника с работодателем за размер выходного пособия — «прощального бонуса», он же «прощальный поцелуй». Неверным суд считал решение предыдущей инстанции о том, что правительство должно ходатайствовать о неразглашении государственных секретов в каждом конкретном случае отдельно. Поступая так, пишет Ренквист, правительство будет вынуждено разгласить факт существования соглашения с агентом, а именно этот факт и составляет государственную тайну.

Дело проиграно окончательно. Верховный Суд, конечно, прав: шпионаж — занятие само по себе нелегальное. Правы были и Ханссен с Эймсом, не доверяя сообщениям своих московских работодателей об астрономических счетах в «Мост-банке» и требуя немедленной оплаты наличными и бриллиантами. Хороши бы они были в российском суде со своими претензиями к Гусинскому и со шпионскими инструкциями «Центра» в качестве квитанций за услуги.

Этот упрямый капитан Юрецко

Подкуп и вербовка высоких военных чинов из Западной группы войск, «кроты» в разведслужбе ФРГ и большая германская политика сыграли злую шутку в судьбе бывшего немецкого разведчика. И он сделал ответный ход...

BERND SCHONBERGER

Виктор АГАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

В Германия разгорелся скандал вокруг бывшего сотрудника БНД (Федеральной разведслужбы ФРГ) Норберта Юрецко. Он был ключевой фигурой драматических и странных событий, проходивших в конце 90-х годов и замятых по воле тогдашнего руководства ФРГ. Юрецко обнародовал свою историю, поскольку не видел иного способа реабилитироваться. Он выпустил сердитую и язвительную документальную книгу с «говорящим» названием – «Ограничено годна». Именно такой – неповоротливой, бюрократической, самодовольной и продержкой – он представил читателям знаменитую разведслужбу. Книга моментально стала бестселлером. Позднее Юрецко вынужден будет отбиваться от потока обвинений и угроз. ЦРУ, МИ-6, БНД – все потребуют сatisфакции. Недовольна и ФСБ. Почему? Прочитав книгу, я встретился с автором. Его ответы на мои вопросы во многом дополнили изложенную в книге информацию.

Операция «Жираф»

Летом 1996 года капитан Юрецко представил своему абверу (для простоты будем называть именно этим немецким словом службу собственной безопасности БНД) материалы, из которых следовало, что один из руководителей БНД – Фолькер Ферч – работает на русских. Юрецко узнал об этом от агента Рюбецаль – одного из тех, кого он завербовал в начале 90-х годов в период вывода из ГДР Западной группы российских войск (ЗГВ).

Сам Юрецко был одним из тех агентов, которые в рамках операции «Жираф» занимались сбором информации в районе дислокации ЗГВ. Сначала Юрецко с коллегами был брошен на разборку мусора, поступавшего из военных городков. Чего только они не находили в помойных баках: от меню столовых до штабных документов с грифом «секретно». Первыми добычу получали представители ЦРУ, поскольку они, в отличие от немцев, имели переводчиков и могли хоть как-то отделять «зерна от плевел». Раз в неделю американцы делились результатами просеивания с немцами. Результаты были скуч-

ными, а потому вскоре Юрецко перевели на работу с людьми. Она оказалась значительно эффективнее – ведь тогда в ГДР у военных буквально за грости можно было достать все, что угодно. Юрецко, например, рассказывает, как его коллеги, не таясь, подъезжали к воротам военного городка в Бюндорфе и устраивали там своего рода приемный пункт: выменивали на бытовую технику разные документы и материалы. Перед автобусом выстраивались очереди из солдат и офицеров в форме. Некоторые из продавцов подходили по несколько раз.

Порой военные за бесценок продавали уникальные образцы вооружений. Так, в 1992 году Юрецко между делом приобрел у какого-то мелкого немецкого перекупщика за 40 тысяч марок новейший и очень редкий тогда российский прибор, используемый в авиации и на флоте для идентификации «своих» и «чужих» (натовцы называли его Patrol C55). Кто и где украл этот аппарат в ЗГВ, как он попал к перекупщику – все это осталось тайной. Известно только, что американцы и британцы также хотели заполучить это чудо техники и были готовы заплатить за него до двух миллионов долларов.

Однако наибольшего успеха Юрецко добился в ходе другой операции, когда он вместе с партнерами из ЦРУ должен был выяснить, какое ядерное оружие и куда вывозят из ГДР россияне. Задача была сложная, потому что составы с оружием тщательно охранялись, перевозки осуществлялись только по ночам, а нужно было провести и специальные замеры, и видеосъемку. Правда, для съемок сотрудники БНД имели технику, работающую в инфракрасном диапазоне, то есть способную снимать в полной темноте. А потому «кинооператору» было достаточно ехать какое-то время параллельно с поездом, снимая из окна машины.

Организовать замеры уровня излучения было значительно сложнее. Для этого из США были доставлены три контейнера (их называли «три медведя»). Один, самый большой, находившийся в микроавтобусе, надо было установить в непосредственной близости от рельсов, по которым шел поезд. Второй – на некотором расстоянии от первого, а третий, замаскированный под камень, должен был лежать прямо на полотне дороги. Надо было сделать так, чтобы поезд несколько минут постоал около «медведей».

Этого удалось добиться, устроив аварию

с автомобилем «трабант» на железнодорожном переезде, где в засаде стоял самый большой «медведь». Когда поезд остановился, охрана с оружием в руках с криками подбежала к машине. Какой-то ефрейтор размахивал пистолетом. Юрецко уже подумал было, что ничем хорошим это не кончится, но солдатам было приказано только убрать автомобиль с путей. Вскоре был дан зеленый свет, но времени вполне хватило для замеров и съемок. В ЦРУ были так довольны их качеством, что прислали сотрудникам БНД благодарность от имени президента США. Оказывается, американцам прежде никогда не удавалось так близко подобраться к интересовавшей их советской ядерной технике.

Сколько стоит генерал?

Российские спецслужбы, даже несмотря на царивший в начале 90-х хаос, заметили «Жирафа» и начали контроперацию под символическим названием «Паутина». В ответ капитан Юрецко и его коллеги переключаются со сбора информации на вербовку ее носителей. Они думают прежде всего о перспективе и ищут людей, которые могли бы работать на БНД и после возвращения на родину.

Поскольку сам Юрецко русского языка не знал, его интересовали только офицеры, говорящие по-немецки. Юрецко решил искать их в российских службах, которые отвечали за возврат в немецкие руки недвижимости, находившейся тогда в пользовании ЗГВ. Эти люди должны были постоянно встречаться с представителями власти, прежде всего с работниками Немецкого ведомства по управлению госимуществом. Филиалы этого ведомства в ГДР получили от БНД соответствующие инструкции и при появлении потенциальных кандидатов в шпионы информировали об этом Юрецко. Затем его партнер Фредди под каким-то нейтральным предлогом вступал с кандидатами в прямой контакт. И если становилось ясно, что овчинка стоит выделки, начинались конкретные переговоры о сотрудничестве, которое должно было строиться только на добровольной и взаимовыгодной основе. Ни шантаж, ни угрозы при такой вербовке применяться, естественно, не могли. Не было даже элементарной проверки вербованного на надежность – что можно было в тех условиях проверить?

Юрецко уверяет: он сразу предупреждал, что не будет возражать против пре-

кращения «контактов» с завербованными людьми, если это станет для них ненужным или опасным. Он мог это действительно гарантировать, поскольку никто, кроме него, не знал настоящих имен его агентов. Даже для внутреннего досье БНД Юрецко никогда не указывал их фамилий, опасаясь как российского «крота», так и партнеров из ЦРУ, которые любыми способами пытались умыкнуть у БНД как информацию, так и информаторов.

В нашем разговоре Юрецко постоянно возвращался к этому, принципиально важному для него моменту – ответственности за жизнь агентов и обеспечению их безопасности. Это действительно один из основных принципов БНД – не подвергать опасности своих людей, прежде всего штатных сотрудников. Но если речь заходила о завербованных агентах, то тут нередко принципы менялись. Многие коллеги, в отличие от Юрецко, рассматривали вербумых как дичь. «Вы любите предательство, но не любите предателей», – сказал однажды Юрецко своему шефу в ответ на предложение поменять переживать за них, поскольку это все, дескать, отребье.

Эта дискуссия произошла из-за нежелания Юрецко указывать настоящие имена его агентов. Любопытно, что распоряжение указывать в досье имена завербованных граждан, появившееся в БНД в 1991 году, было подписано тем самым Фолькером Ферчем, которого Юрецко позже обвинят в работе на КГБ и СВР.

А в 1992 году те же самые люди не уставали хвалить капитана за удачные вербовки и обеспечение притока ценной информации. К наиболее ценным его агентам относится некий полковник, который попал к Юрецко через управление госимуществом и получил кличку Мюнхгаузен. Он не скрывал, что пошел на сотрудничество из материальных соображений. Еще будучи в ГДР, он предоставил БНД массу документов, фотографий и звукозаписей. Он достал, например, полный и всесторонний отчет о состоянии ВВС России. Именно Мюнхгаузен был первым, кто предупредил Юрецко о существовании «крота» в БНД.

В начале 1993 года посредники вывели Юрецко на российского генерала (во всяком случае, он сам себя так называл). Ему дали кличку Уленшпигель. Юрецко сразу положил на стол удостоверение сотрудника БНД. Поняв, что происходит вербовка, Уленшпигель в первый момент

испугался, поскольку, как он позже сам объяснил, все было примитивно, как в фильмах про шпионов. Будучи в армии не первый день, он знал, что надо делать: бежать в контрразведку и каяться. Однако Юрецко ему сразу сказал, что уйти он всегда успеет, а сначала почему бы не поговорить... Позже Уленшпигель, который еще долго работал на БНД, признавался тому же Юрецко, что столк прямой и откровенный стиль вербовки его полностью «обезоружил».

Между 1991 и 1995 годами Юрецко с партнером Фредди провели более 850 «бесед» и завербовали полдюжины офицеров. Те стали поставлять материал в таком количестве и такого качества, какого БНД раньше не знала.

Однако, как рассказывает Юрецко, его все больше беспокоили сообщения, в том числе и от новых агентов, что внутри БНД работают несколько людей, завербованных российскими спецслужбами. «Мы с Фредди опасались, что таким образом в Москве станут известны имена завербованных нами информаторов. Поэтому мы скрывали даже от своих коллег и начальников, где, когда и с кем мы встречались».

Юрецко не раз мог убедиться в спрятанности своих опасений. Несколько агентов из числа завербованных БНД в ЗГВ позже были арестованы, осуждены или просто исчезли. Однако среди них не было ни одного из завербованных Юрецко. Напрашивается лишь одно объяснение – ФСБ их не трогала, потому что не имела у них информации... от БНД.

Такая ситуация не могла не беспокоить службу собственной безопасности БНД. Ее сотрудники в августе 1996 года вместе с Юрецко затеяли операцию с целью обнаружить «крота» в БНД. Операция получила название «Казак-2». К самому Юрецко в абвере относились с доверием, поскольку ранее он помог разоблачению фактов коррупции в БНД. Кроме того, наиболее важная информация о «кротах» поступала от агента Рюбецаль, завербованного Юрецко в ЗГВ.

На конспиративной встрече в отеле «Шератон» во Франкфурте-на-Майне Рюбецаль сообщил новые данные о «кроте». Это позволило начать расследование в отношении одного из штатных сотрудников БНД. Дома у него обнаружили компьютерные диски со служебной информацией. Выяснилось также, что у него роман с одной из сотрудниц аппарата президента БНД. Однако следователи абвера пришли к выводу, что этот человек все-таки был кем-то предупрежден о нависшей над ним опасности. Значит, в БНД есть еще «кроты». Абвер начал операцию «Казак-3».

Абвер тухнет с головы

В ее результате под подозрением оказался Фолькер Ферч, начальник абвера, один из руководителей БНД, пришедший туда еще в 1956 году и побывавший на многих важных постах в разведке, контрразведке и системе безопасности. Его считали едва ли не самым могущественным человеком в БНД. Абвер начал тайное наблюдение за своим собственным начальником. В кабинете Ферча были установлены «жучки» и телекамеры. Следили за каждым его шагом, каждым телефонным разговором, а результаты следствия направляли непосредственно президенту БНД.

Осенью 1997 года в Варшаве Рюбецаль передал Юрецко копию датированного априлом документа на русском языке и на бланке ФСБ. Это был рапорт, в котором некий полковник Добрецов предлагал руководству как можно скорее прекратить сотрудничество с очень ценным источником, который 16 лет сотрудничал с Москвой через госбезопасность ГДР, а с 1993

года работал непосредственно на ФСБ.

Юрецко вспоминает: «Отношения с источником предлагалось прекратить как из соображений его безопасности, так и для сохранения инфраструктуры, созданной для работы с ним. Предлагалось также выплатить ему премию в размере 100 тысяч долларов и в случае необходимости побеспокоиться о содержании его семьи. Анализируя текст, следователи абвера пришли к выводу, что речь может идти только о Ферче. Во-первых, в рапорте было написано, что источник последнее время находится в постоянном психическом напряжении, возможны срывы, поскольку против него ведется секретное внутреннее расследование, а во-вторых, приводились подробности семейной жизни источника, которые однозначно указывали на Ферча (жена тяжело больна, сын умер)».

В марте 1998 года шеф БНД счел доказательства, полученные следствием, весомыми и поставил в известность ведомство федерального канцлера, которое только и может дать разрешение на следствие по обвинению в государственной измене столь высокого чиновника, как Ферч.

В Германии спецслужбы подчиняются координатору, работающему в ведомстве канцлера. Тогда в аппарате канцлера Коля координатором спецслужб был Бернхард Шмидбаэр. Он вызвал всех – и шефа БНД, и руководителя следствия, и Юрецко – в Бонн. Там выяснилось, что главная проблема для Шмидбаэра – политическая. Ферч слишком много знал, он собрал досье на виднейших политиков. Позже стало известно, что он встречался, например, с человеком, который незаконно субсидировал канцлера Коля (обвинения в получении миллионов «незаконных пожертвований» на партийное дело до сих пор отягчают репутацию Коля).

Речь на двухчасовом совещании шла не о реальном ущербе, нанесенном Германии, а только об ущербе для имиджа

политиков; о том, кому и как может навредить Ферч. После дискуссии Шмидбаэр высказал пожелание, чтобы обвинение не выросло до масштабов измены родине, но при этом доказательство вины Ферча было достаточно для его увольнения.

Через несколько дней генеральная прокуратура сообщила, что провела обыск в служебном кабинете Ферча. Однако следователи, постоянно наблюдавшие за этим кабинетом, пришли к выводу, что это была лишь инсценировка обыска. Ферча своевременно предупредили, причем сделал это Шмидбаэр, что доказала запись телефонных разговоров. После этого звонка Ферч стал спешно уничтожать какие-то материалы. Следователи на своих мониторах видели, что фактически и обыска-то не было: прокурор приоткрыл один ящик, потом другой – и все.

Через несколько недель генпрокуратура прекратила расследование. Она пришла к выводу, что Ферч невиновен, а все сообщения, его компрометирующие, сфабрикованы Норбертом Юрецко. В том числе и рапорт ФСБ. Прокуратура сославась на мнение бывшего сотрудника ФСБ, бежавшего на Запад и засвидетельствовавшего, что в рапорте полковника Добрецова были ошибки в форме. Юрецко и его эксперты доказывали, что ошибки действительно есть, но тому существуют объяснения.

Юрецко предлагает несколько версий происхождения рапорта. Это могла быть целенаправленная акция ФСБ на дискредитацию Ферча. Могла быть, наоборот, попытка предотвратить разоблачение Ферча-агента. Для этого надо было только передозировать компромат, чтобы он казался слишком увесистым. Такое КГБ проделывал не раз. Не исключено, что Лубянка мстила Ферчу, но также возможно и другое: кто-то в ФСБ воспользовался официальными контактами Ферча с ФСБ (они начались в годы перестройки) и оформил его как «источник» – такое

нередко бывало в практике «Штази». В общем, насколько истинным был рапорт, знают только те, кто его составил.

Как бы то ни было, Ферча официально реабилитировали, но при этом его отдел был распущен, а он сам отстранен от дел и ушел на пенсию. Иначе говоря, сделано то, к чему с самого начала вел Шмидбаэр: Ферча убрать, но без скандала.

Норберту Юрецко не простили его несговорчивости, обвинив в фальсификации документов и источников информации. Через четыре года дело было передано в суд, который на закрытом заседании признал Юрецко виновным в обмане и приговорил к 11 месяцам тюрьмы условно. Обман, по мнению суда, заключался в том, что он не открыл настоящего имени своего источника Рюбецаль и поверили якобы добывшему агентом, а на самом деле фальшивому рапорту из ФСБ. Известно, что прокурор, начиная дело, побывал в Бонне у Шмидбаэра.

Суд однозначно записал в приговоре, что Юрецко не руководствовался корыстными побуждениями, хотя и повредил своему нанимателю, купив фальшивые документы у российского агента. Тем не менее БНД требует от Юрецко полмиллиона евро за якобы незаконно выплаченные гонорары завербованным им агентам.

Систему, в которой он работал, Юрецко назвал в нашем разговоре «перевернутым миром». Как бы в подтверждение этих слов на днях в одной из крупнейших газет Германии была опубликована огромная хвалебная статья о нынешнем шефе БНД. Он, в частности, говорит в интервью: «То, что написано в книге Юрецко о ленивых сотрудниках, двойных агентах и бесполезных начальниках, – это все в прошлом. Такое больше невозможно».

Так значит, все описанное – правда? ■

Бонн

Офицеры и солдаты Западной группы войск при случае были не прочь «толкнуть» потенциальному противнику кое-какие документы и военную технику. Имущество ЗГВ, оставшееся нераспроданным, было выведено из ГДР в начале 90-х

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА

СЛУХАЙ, щоб знати

ГОЛОС
СТОЛИЦІ

106 ^{FM}